

ВЕНЕЦ ФЕЙРИ,
или Дело о потерянном наследстве

18+

Виктория Кадаверциан

**Венец фейри, или Дело о
потерянном наследстве**

«Автор»

2026

Кадаверциан В.

Венец фейри, или Дело о потерянном наследстве /
В. Кадаверциан — «Автор», 2026

Детектива Аделаиду Галлахер преследует странный сон о выборе между двумя артефактами. Её новое дело — убийство антиквара — оборачивается кошмаром: тени внезапно оживают, а реальность рушится. Ночью Аделаида проводит ритуал — и оказывается в чужом мире. Теперь на её пути встречается фейри — язвительный и заинтересованный в ней. Вскоре выясняется: она — дитя запретной любви, а шкатулка скрывает одну из двух корон, способных развязать войну. Теперь Аделаида — пешка в игре, где ставки выше жизни.

© Кадаверциан В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Кадаверциан

Венец фейри, или Дело о потерянном наследстве

Венец фейри, или дело о потерянном наследстве

По полотняным стенкам шатра стучали капли дождя. Гроза медленно уходила, оставляя запах озона и свежести. В тёмном небе сверкали затухающие зигзаги молний, озаряя лес яркими вспышками. Где-то вдалеке слышались крики, звон оружия, лязг металла. Аделаида втянула воздух, морщась от едва ощутимого запаха крови. Он вьёлся в кожу, осел на волосах, заплетённых сейчас в тугую косу.

На раскладном столике перед ней лежало настоящее сокровище. Корона, столь искусно сделанная, что каждый раз перехватывало дыхание от совершенства мастерства древнего ювелира. Крошечные звёзды сверкали фиолетовыми искрами. Только вот сквозь это великолепие пробивались длинные, даже на вид острые, шипы. Протянув руку, Аделаида кончиками пальцев коснулась драгоценной короны. Ледяной, словно тысячи лет пролежавший в снегах, венец кольнул кожу холодом.

— Ты долго собираешься гипнотизировать их взглядом? — тихий мужской голос раздался совсем рядом, и на плечо легла тёплая рука. На пальце блеснул синим крупный серебряный перстень.

Аделаида не оборачивалась, но от звука голоса на душе стало теплее, и она улыбнулась.

— Выбор, который изменит всё, да?

Взгляд скользнул по короне и переместился дальше, где лежала вторая. Почти точная копия первой, только вместо воронёного металла — жаркое золото. Высокие зубцы вырастали из искусно выкованных роз, приковывали внимание и едва слышно звенели хранящейся внутри магией. Обе короны едва слышно звали, требовали прикоснуться, взять в руки и принять ту силу, что они несли.

На плече чуть сильнее сжались чужие пальцы.

— Выбирай, Ада. Больше нельзя тянуть. Погибло и так достаточно, а скоро смертей станет больше. Ты же понимаешь, войну никак не остановить иначе!

Где-то вдалеке запел боевой рог, ему тут же откликнулся второй. Времени больше не было. Рука сама собой потянулась к золоту, и Аделаида прикрыла глаза. Что говорило сердце? К чему оно склонялось? К тьме или к свету?

Мужчина за спиной молчал. Он не мог влиять на ход событий, но пальцы слегка дрожали.

Снаружи грянул раскат грома, заставляя на миг оглохнуть, и пальцы сомкнулись на ободке короны.

Выбор был совершён, судьба сделала свой ход.

Телефон на прикроватной тумбочке разразился громкой трелью, вырывая Аделаиду Галлахер, лучшего детектива бостонского отделения, из объятий сна. Сон. Это был всего лишь сон... Но такой реалистичный!

— Мисс Галлахер, у нас тут...

Голос её напарника, подобно скрипу от несмазанных петель, врывается в мозг, заставляя проснуться. Аделаида поморщилась, отодвинула от уха телефон, чтобы хоть немного приглушить звуки, доносящиеся из недр аппарата.

Официально она числилась на больничном, но на самом же деле устала бездельничать, хотя никому в этом не признавалась, даже себе. Дурацкая авария на пустой дороге и отказав-

шие тормоза уложили её сначала на больничную койку, а потом заставили скучать дома, ожидая вердикта врачей и давая переломам срастись окончательно.

— Харди, выдохни, — велела она напарнику, одновременно садясь на кровати и глянув в окно. Тёмное небо едва только окрасилось в нежно-розовый на горизонте, знаменуя начало нового дня. — Выдохнул? Молодец. А теперь коротко, ясно и ближе к делу. Если уложишься в десять слов, куплю по пути кофе и круассан, — пообещала, зная, что друг склонен к пространным речам. Но Харди удивил, видимо, аргументы оказались очень заманчивыми.

— У нас убийство. Никаких следов, причина смерти не установлена, — напарник замолчал, то ли подсчитывая количество слов, то ли и правда больше добавить по делу было нечего пока. — Мне неловко тебя беспокоить, но...

— Поняла. Скинь мне адрес в сообщении, постараюсь подъехать в течение часа, — пообещала Аделаида, сбрасывая вызов и снова морщась, теперь уже от остаточной тянущей боли в срастающихся рёбрах. Авария на несколько недель вывела её из строя, вынуждая изнывать от отсутствия активности и тишины собственной квартиры, так что сейчас Галлахер обрадовалась поводу выбраться из ставшей уже привычной рутины.

Принять наскоро душ, натянуть на влажное тело свободный спортивный костюм, да провести щёткой по волосам — сборы получились до нельзя короткими. Аделаида накинула глубокий капюшон и вышла из квартиры, неторопливо и осторожно спустилась по ступенькам и, наконец, оказалась на улице.

Утренний прохладный воздух, ещё не успевший впитать в себя запах выхлопных газов, приятной свежестью принял её в свои объятия, бодря лучше любого кофе, но помня об обещании, Аделаида заглянула в первую же открытую кофейню и уже там не устояла перед ароматным капучино, украшенным пышной шапкой белоснежной пены для себя. Сжимая в руках картонную подставку со стаканчиками и пакет с ещё тёплой выпечкой, она снова оказалась на улице. Сделала первый глоток и только потом заглянула в телефон, читая адрес, присланный исполнителем Харди. Оказалось, что преступление произошло совсем рядом, буквально в паре улиц, значит — кофе не успеет остыть!

Пятнадцать минут ходьбы, допитый капучино, и девушка уже приветливо кивнула двум сонным офицерам, скучающим у дома в компании трёх котов и шальной вороны, громко выражающей своё недоумение с ветки ближайшего дерева. Полицейские встрепенулись.

— Привет, Галлахер. Тебе туда нельзя, знаешь же правила. Вот выздоровеешь — добро пожаловать.

Ада усмехнулась.

— Знаю, знаю. Против правил и всё такое. Но Монтгомери без меня жить не может.

Поворчав, один из офицеров кивнул и посторонился, пропуская Аделаиду внутрь дома.

— Курьерская доставка кофе! — громко сообщила она о своём прибытии, проходя вглубь коридора, откуда доносились тихие голоса коронера и полицейских, прибывших на вызов.

— Мисс Галлахер! — Харди улыбнулся, принимая бумажный стакан с кофе и шуршащий пакет с булочкой из рук Галлахер, украдкой бросив взгляд на часы. Надо же, ровно час прошёл...

— И что у нас здесь? Доброе утро, мистер Тёрнер, — Аделаида поздоровалась с пожилым коронером, украдкой зевающим в кулак, принимая от него пару виниловых перчаток.

— Вот, полюбуйтесь! — Тёрнер сделал шаг в сторону, демонстрируя тело, раскинувшееся на полу, в котором Аделаида с удивлением узнала довольно известного в городе антиквара, занимавшегося скупкой редких вещей со всех концов света.

— Тело обнаружила домработница, пришедшая делать в кабинете уборку. Её уже увезли в участок, чтобы опросить и снять отпечатки пальцев на всякий случай. Женщина уверяет, что

в доме никого не было, хозяин работал допоздна, когда она ложилась спать, свет ещё горел, — Харди торопливо жевал, совершенно не смущаясь присутствием свежего трупа в комнате.

Галлахер присела на корточки, тронула тело, уже успевшее остыть, обвела взглядом комнату и нахмурилась. На пустом полу, рядом со столом, лежал маленький синий гладкий камешек. Она протянула руку, беря находку в руки. Где-то в доме скрипнула половица, и словно от сквозняка приоткрылась дверь...

Слух уловил скрип половицы где-то совсем рядом, Аделаида повернула голову, продолжая сжимать в пальцах камень. Показалось? Словно на миг тени в коридоре стали гуще, сменившись из серо-предрассветных на непроницаемо-чёрные, поглощающие собой редкие проблески света.

— Мисс Галлахер! Ада! — голос Харди вырвал её из этой странной иллюзии, заставляя моргнуть. Когда Аделаида открыла глаза, тени стали снова мягкими и привычными. Показалось.

— Харди? Вы выяснили, откуда это? — она помахала находкой перед носом у ассистента, тот недоумённо захлопал глазами.

— Странно! Мы осматривали кабинет сразу по прибытии, но, готов поклясться, на полу ничего не было.

Аделаида хмыкнула, в одном звуке выражая всё то, что могла бы сказать о внимательности детективов. Тем временем коронер вышел за дверь.

— Честное слово, осматривали. За исключением тела мистера Лероя, кабинет был совершенно пуст.

В ответ ему достался скептический взгляд. Ада оглядывала место преступления, пытаясь понять, что именно её настораживает. Взгляд зацепился за крышку стола. Что в ней было не так. Аделаида присела, выдвинула ящики, заглянула внутрь. А потом нахмурилась. Виски заломило, в ушах будто бы возник неясный шум и настойчивое желание дотронуться до выпуклого изображения позолоченной розы, что украшала ножку стола. Но едва пальцы коснулись деревянного цветка, как раздался щелчок, и часть столешницы приподнялась вверх, а потом отодвинулась. В углублении стоял довольно большой ларец.

Харди удивлённо уставился на нишу, не понимая, как связан камень на полу и шкатулка; брови его поползли вверх, норовя исчезнуть под короткой, жёсткой даже на первый взгляд, чёлкой.

— Мисс Галлахер...

Аделаида только махнула рукой, обрывая поток слов.

— Ладно, Харди, не нервничай. Я всё понимаю, утро, начавшееся ночью, добрым быть по определению не может. И концентрация внимания в это время падает, это естественно. Кроме того, найти тайник в принципе было сложно. Я пока вовсе не понимаю, как это получилось.

Прерывая поток слов, во дворе прозвучал клаксон служебного автомобиля. Напарник пробормотал под нос сбивчивые извинения, вышел, оставляя на несколько минут Аделаиду в компании безнадёжно мёртвого мистера Лероя.

Она скользнула взглядом по телу, потом шагнула к столу, осматривая шкатулку. Нагнулась ниже и вдруг замерла.

«Открой, открой, открой...»

Настойчивый шёпот возник в голове, завораживая своим ритмом.

От-крой. От-крой...

Стук сердца и всё нарастающий шум в ушах.

И Аделаида словно провалилась в небытие. Картины жизни, как слайды, мелькали перед глазами. Она родилась в маленьком, но очень уютном городке Балбригган провинции Ленстер на северо-востоке Ирландии. В нём пахло морской солью, а северные ветры поднимали высо-

кие волны. Здесь неустанно клубились туристы, восхищаясь природой, великолепными пляжами и сохранившимися замками и остатками древних поселений.

Семья Галлахер переехала в Балбригган буквально за месяц до рождения дочери, впечатлённая мягким климатом и той особенной красотой Ирландской провинции, которую уже не сыскать ни в Дублине, ни в Голуэй. Аделаида любила родной город, иногда сбегала из-под присмотра соседской бабушки и отправлялась бродить по холмам, представляя себя принцессой фей.

Но время неумолимо бежало вперёд, и вот в прошлом остались и беспечное детство, и город стал казаться сонным, заставляя девушку всё чаще задумываться об отъезде. Времена романтики остались позади. Она успешно окончила Национальный Гельсингский университет и уехала в Штаты, несмотря на слёзы матери. Конечно, была еще одна причина, по которой океан, отделяющий родину от Нового Света, казался не просто большой водой, но спасение от всех проблем, но Ада наглухо запечатала эти воспоминания и не позволяла себе вспоминать. И вот уже три года Бостон присматривался к мисс Галлахер, строящей карьеру в местном департаменте полиции. Несколько громких, успешно раскрытых дел... Только вот сейчас от Аделаиды Галлахер, прекрасного детектива и уверенной в себе женщины, не осталось ровным счётом ничего.

Аделаида смотрела на шкатулку перед собой и чувствовала, как покалывают кончики пальцев. Тёплая волна скользнула по ладоням, прокатилась по позвоночнику и схлынула. На долю секунды появилось ощущение, будто она уже чувствовала подобное, но память подвела, никак не давая понять, что сейчас произошло.

Словно замороженная, Ада протянула руку, чтобы коснуться замка. И вдруг вокруг всё залило фиолетовым сиянием. В нём всё казалось иллюзорным, нереальным и абсолютно непривычным глазу. Шкатулка вдруг дёрнулась вперёд сама собой, двинувшись по столу, и девушка успела заметить, что верх ларца запятнан чем-то бурым.

— Пришла! — возликовал чужой шёпот, а оживший вдруг ларец лязгнул замком, как зубами, попытавшись вцепиться острыми гранями в палец. Аделаида вскрикнула, успев заметить, как из коридора к ней как будто метнулась тень, но свечение уже угасало, не получив желаемого.

Сквозь фиолетовые всполохи она всё видела как через какую-то призму искажений. Труп на полу казался разлитой чернильной кляксой, а в лице, искажённом предсмертными муками, сейчас виделись далеко не человеческие черты. Тёмная кожа, из-под приподнятой верхней губы виднелись чуть желтоватые крупные клыки. Заострённые, покрытые клочковатой шерстью крупные уши.

Но даже не это было самым страшным. Во всех углах кабинета извивались тени. И каждая из них, почувствовав взгляд, тянулась дымными руками к Аделаиде, которая словно попала в плен и никак не могла освободиться.

Каждый удар сердца приближал тени, девушка опустила взгляд и вскрикнула вдруг. В этом нереальном фиолетовом свете шкатулка преобразилась. На ней появились глаза, бешено вращающиеся, замок превратился в клыкастую пасть, которая лязгала зубами, пытаясь вцепиться в палец детектива.

И она сделала единственное, что пришло в голову, — закрыла глаза и заорала, почти переходя на ультразвук:

— Харди!

Звук голоса словно разбил чужие злые чары. Он прокатился по кабинету, тени на миг замерли и даже отпрянули вдруг, словно голос мог причинить им вред. А потом хлопнула дверь, ведущая в дом, и голос напарника откуда-то издалека позвал: — Ада? Что случилось?

Два удара сердца, чуть меньше пары секунд. И шкатулка вдруг втянула зубы, а Аделаида отшатнулась от стола, зацепившись пальцем за острый край ниши. Брызнула кровь. Фиолетовое сияние угасло, впитываясь в ларец, снова спокойно стоящий на столе.

— Ада, что с тобой? — Харди возник на пороге, встревоженный и сосредоточенный, сжимая пистолет. Он обвёл взглядом кабинет, но, кроме бледной напарницы, прерывисто дышащей, как после долгого бега, никого не обнаружил и вопросительно приподнял бровь.

Аделаида настороженно огляделась — тени пропали, как будто их и не было никогда. Рука была поцарапана, и кровь капала на пол, а боль напоминала о том, что всё это девушке не привиделось.

— Я... — Галлахер пришлось сделать глубокий вдох, услышав, как голос дрожит, — Мне показалось... показалось... — взгляд упал на окно, прикрытое тяжёлыми гардинами, и оправдание само собой возникло в голове, — показалось, что шторы шевельнулись и за окном кто-то есть.

Харди нахмурился, но подошёл к окну, придирчиво осмотрел раму и, наконец, расслабился, убирая оружие в кобуру на пояс.

— Ты так кричала! Я думал, что убийца вылез из шкафа, — неловко пошутил напарник, для верности подёргав оконную ручку и качая головой.

— Нет здесь никого. И окно надёжно закрыто.

Аделаида выдохнула — она точно знала, что Харди прав, но пожала неопределённо плечами. Сейчас произошедшее казалось каким-то бредом воспалённого сознания.

— Извини. Немного испугалась, — объяснила, стараясь не коситься на тело Лероя, который снова выглядел настолько прилично, насколько труп человека может таковым быть. Может быть, ей пора сменить болеутоляющие? Харди потоптался рядом и вдруг нагнулся, почти полностью скрываясь под столом.

— Мисс Галлахер, смотрите! — помощник, пыхтя, выбрался обратно, сжимая в пальцах ещё сухую ветку чертополоха, — Кажется, следственная бригада и правда неважно всё осмотрела.

Аделаида осторожно приняла новую находку, боясь в глубине души повторения инцидента, и вгляделась в сломанный стебелёк.

— Мистика какая-то! — Харди взъерошил волосы, смотря на растение. А сама Аделаида никак не могла понять, почему от вида находки по позвоночнику бегут мурашки.

— Харди, слушай. Не в службу, а в дружбу... — глянула на друга, — я заберу шкатулку и это домой до завтра, ладно? Всё равно в опись они не вошли, а меня что-то в нихстораживает.

— Что-то? Меня в них ВСЁстораживает! — он покачал головой, не одобряя действий напарницы, но перечить ожидаемо не стал, — Ладно, под твою ответственность. Довезти до дома?

Галлахер задумалась на минуту, пока аккуратно снимала с себя худи и бережно заворачивала в него шкатулку. До дома было недалеко, но почему бы не воспользоваться предложением? Тем более, без верхней одежды она бы привлекала к себе излишнее внимание, чего категорически не любила.

— Убедил, вези, — согласилась, прижимая к себе свёрток и найденные улики. Пока они разговаривали, в кабинет вошли двое офицеров под предводительством коронера и развернули шуршащий чёрный мешок, чтобы упаковать мистера Лероя. Пользуясь суетой, Харди и Аделаида выскользнули в коридор.

День пролетел незаметно. Аделаида сделала несколько снимков шкатулки, теперь гордо стоящей на кухонном столе её квартиры, с лупой исследовала крышку, опасаясь, однако, трогать руками. В центре, между причудливо изогнутых вензелей, расположился странный символ, аналогов которому в мировой сети не нашлось, сколько бы сайтов она ни пролистала.

С наступлением вечера рука вдруг дико разболелась. Галлахер выпила сразу две таблетки обезболивающего, потёрла воспалённые веки и решила, что достаточно. За окном уже сгустились сумерки, сегодня непривычно серые, словно город за окном был вычерчен грифельным карандашом.

Чёткие росчерки зданий, дымчатое небо, затянутое пеленой тумана, что опускался всё ниже, планируя укутать своим покрывалом город ещё до наступления полной темноты. На этом фоне даже редкие деревья казались нарисованными на холсте графитом. Аделаида задернула шторы — серый пейзаж навевал на неё меланхолию и воспоминания об очень реалистичном сне, увиденном во время короткой комы после аварии...

То ли под действием анестезии, то ли сознание играло в свои игры, но там, в больнице, ей приснилась дорога. Серые деревья обрамляли дорожку, словно сошедшую с какой-то картины, выщербленные кирпичи едва заметно отливали фиолетовым в свете непривычной, зеленоватой луны, что висела высоко в небе. Аделаида знала во сне, что если шагнёт по этой дороге вперёд, то уже не сможет вернуться, но какое-то непреодолимое желание подталкивало в спину, заставляя сделать этот самый сложный первый шаг. Но врачи привели её в себя раньше, чем девушка успела двинуться.

Устроившись под одеялом, Аделаида попыталась уложить руку так, чтобы та не болела, и провалилась в сон, вымотавшись за день...

Пробуждение оказалось неожиданным. Девушка подняла голову от подушки, вглядываясь в ночную темноту, бросила взгляд на часы — без четверти полночь. Что же её разбудило? Звук? Аделаида прислушалась. Тишина, такая, словно она оглохла, — ни тиканья часов, ни резких сигналов машин на улице, ни свиста ветра. Что за...?

Откинув одеяло, Галлахер встала, подходя к окну, и выглянула. Мир тонул в густом тумане, полностью стерев город с лица земли. И в голове вдруг отчётливо забилося: «Иди. Иди. Иди»

Каждое слово на удар сердца, как и тогда, когда она склонилась над шкатулкой на месте преступления. То же ощущение, что в дурацком сне. Может быть, она ещё спит? И стойкое желание идти. Галлахер тряхнула головой, сбрасывая странное наваждение, и повернула голову. Шкатулка на столе тревожно мерцала, лиловый свет пробивался из-под крышки. Решение пришло мгновенно. Аделаиде потребовалось всего несколько минут, чтобы достать необходимое из ящика стола. Свечи — чёрные, зелёные, и пучок сушёных трав.

С юности Аделаида Галлахер увлекалась викканской магией. Опора на стихии, которые она чувствовала как никто другой. В детстве мама всегда удивлялась словам дочери, что вот-вот разразится шторм, когда на небе не было ни облачка, и ещё больше — когда предсказания малышки сбывались. В колледже Аделаида познакомилась с ведьмами. Точнее — вступила в сестринство, как и многие другие. Только вместо молодёжного сообщества выбрала кружок практической магии. Вместе с другими девушками она изучала ритуалы, травы, элементы стихийной магии, колдовство и шаманизм. И очень скоро «Кружок магических искусств» перерос в пусть маленький, но настоящий ковен. К счастью Аделаиды, это невинное, в целом увлечение стало её опорой на протяжении жизни. В самых сложных, страшных или просто непонятных ситуациях девушка зажигала свечи, брала определённый набор трав и погружалась в транс — состояние, когда духу не нужны телесные оковы, и видела картины недалёкого будущего, зачистую туманные и непонятные. Правда, с течением жизни девушка всё реже прибегала к этому способу отрыва от реальности, но тем не менее нужные травы и свечи были неизменными атрибутами в доме.

Вот и сейчас, столкнувшись с неведомым, непривычным и пугающим, Галлахер, даже не отдавая себе отчёта, прибегнула к ритуалу. Если бы она была не сонной, если бы ей не виделось это сияние, всё могло сложиться иначе, но Аделаида уже торопливо расставила свечи, чиркнула спичкой, поджигая фитили, а следом и травы. Над столом пополз ароматный дым, а

девушка торопливо очертила контур спирали тлеющими травами, начинающуюся от крышки шкатулки и расходящуюся широкими кольцами к краям стола. Древний защитный символ. Точно такой же, какой она носила на шее со времён юности. Только вот сейчас он не помог. Тяжёлый густой дым повисал в воздухе, медленно расплываясь по краям, но вместо облегчения Аделаида всё сильнее чувствовала тревогу. Сияние внутри шкатулки пульсировало в каком-то странном рваном ритме, и внимание невольно сосредотачивалось на нём, не давая отвести взгляда. И только спустя минуту до Аделаиды дошло, что переливы фиолетового света полностью повторяют ритм её сердцебиения.

– Что за чёрт?

Галлахер отступила на шаг от стола, замечая, как странный символ на крышке шкатулки наливается тревожным багровым цветом. Девушка метнулась к прикроватной тумбочке, чтобы схватить телефон. Палец лёг на кнопку вызова, но нажать Аделаида не успела. Голова закружилась, и Ада рухнула на пол. Взгляд остановился на тлеющих травах и вдруг пришло осознание -- она перепутала связки. Вместо боярышника на столе горела петрушка... Телефон отлетел под кровать, издевательски светя экраном. Дотянуться она не могла, сознание мутилось, создавая причудливые галлюцинации. От углов комнаты по стенам зазмеились трещины, пол закачался. Шкатулка на столе мелко дрожала, и вдруг крышка откинулась сама собой. Фиолетовый свет хлынул из неё, затапливая комнату как вода. Аделаида пыталась отползти в сторону, добраться до входной двери и позвать на помощь, но не успела. Яркая вспышка, и мир утонул в ней, лишая девушку сознания.

Аделаиде показалось, что мир взорвался и рассыпался на части. Или это была голова? Судя по всему, зажигать травы в маленькой квартире было глупым решением. Слишком сильная концентрация дыма заставила сознание уплыть, а её саму упасть и удариться головой. Нужно открыть глаза и вызвать скорую, но сначала – подняться и отыскать отлетевший телефон. Девушка пошарила рукой в надежде, что аппарат совсем рядом, и нахмурилась. Вместо привычного короткого ворса ковра пальцы вдруг коснулись... травы?

– Здравствуйтесь, глюки! – пробормотала себе под нос, но глаза всё же открыла. Аделаида лежала на земле, уткнувшись носом в густую, мягкую даже на вид, траву. Правда, цвет травы был совсем не привычным. Насыщенный, тёмно-фиолетовый, с редкими вкраплениями ярко-жёлтых мелких бутонов, похожих на обычные незабудки. Стоп. Какие цветы в середине октября? Голова болела, на лбу по ощущениям надувалась крупная шишка, но в остальном самочувствие было вполне сносным, на удивление.

Однако цветы были. Над ними разливался тонкий, медовый запах, напоминающий о лете. Аделаида очутилась в лесу. В самом странном лесу, который только можно было себе представить.

— Это что, я в кроличью нору провалилась?

Собственный голос казался слишком хриплым, нарушая бесконечную красоту этого мира. Оказалось, что мелкие жёлтые бутоны и фиолетовая трава были не самым удивительным из окружающего пейзажа.

Яркие, в ладонь величиной, цветы источали нежный аромат. Деревья шевелили разноцветной листвой, где синий плавно перетекал в оранжевый, а розовый сменялся изумрудно-зелёным...

Ада потёрла глаза, словно это могло помочь снова увидеть привычные человеческому глазу картины. Увы, мир продолжал пестреть красками, заставляя усомниться в собственном душевном здоровье.

— Что за чушь? Я должна была очнуться где угодно. На полу, в больнице, в конце концов. В машине скорой помощи.

Аделаида села поудобнее. Земля была тёплой, трава мягкой, так что дискомфорта она не испытывала никакого, кроме все тех же ноющих после перелома рёбер.

— Скорее всего, я просто брежу. Ну точно. Ударилась головой и вижу цветные сны.

Убедить себя оказалось очень просто. Особенно когда очень хочешь поверить. Почему-то сейчас светящиеся шкатулки и странные камни, фиолетовое сияние и жуткие тени казались чем-то далёким. Или таким же бредом воспалённого сознания.

С другой стороны, сидеть на одном месте Аделаиде надоело довольно быстро.

— Ладно. Раз уж я здесь и пока меня не привели в чувства, поищу Безумного Шляпника. Или гусеницу с кальяном. А лучше — просто кальян.

Разговаривать с собой казалось вполне нормальным, раз уж других собеседников не было рядом. Девушка поднялась на ноги и с сомнением оглядела босые ноги и короткие пижамные шорты с майкой. Цокнула языком.

— Могло бы и постараться. Подсознание, ау! Даже одежду нормальную не подкинуло, зараза.

Она зажмурилась, старательно представляя более подходящий наряд для прогулок по лесам глюков. Приоткрыла один глаз. Пижама продолжала радовать глаз пронзительным розовым цветом и атласным бантиком на груди. Пошевелила пальцами ног, но и там изменений не произошло. Обнажённые ступни по-прежнему щекотала фиолетовая трава.

— Ну и ладно. Что может случиться во сне?

Аделаида махнула рукой на безуспешные попытки справиться со своими видениями и неторопливо побрела вперёд.

Впрочем, мягкая трава быстро закончилась. Если бы Аделаида обернулась, то могла увидеть, как за её спиной ветви деревьев сплетаются густой сетью, скрывая прекрасную поляну. Но она упрямо шла. Босые ноги почти бесшумно ступали по земле.

— Ай!

Девушка остановилась тогда, когда острая сухая ветка попала под ступню, обжигая болью. Поджав ногу, Ада с трудом дохромала до поваленного ствола дерева, чтобы присесть и осмотреть первое боевое ранение во сне. Вынув занозу, она поморщилась.

— Так нечестно! Было красиво, а теперь колючки валяются! Если уж я лежу без сознания, требую пушистых облаков, идеальных мужчин и приятностей в качестве компенсации!

К кому она обращалась? Галлахер и сама не знала. Может, к себе или мирозданию. Только вот картинка вопреки желанию и не думала меняться. Точнее — она изменилась, но вовсе не так, как хотелось Аделаиде. Небо в просвете между ветвями начало темнеть, то ли предвосхищая наступление ночи, то ли погода стремительно портилась. Ни один из вариантов ей не нравился. Девушка встала, осторожно пытаясь наступить на ногу. Больно, но терпимо. И упрямо заковыляла дальше. Правда, уже через пять минут она пожалела о своём решении куда-то идти, но было поздно. Лес внезапно затих. Смолк шелест листвы, щебет каких-то невидимых птиц. Вокруг опустилась тишина. Такая нехорошая, вязкая, словно смола. А потом в этой тишине раздался громкий, режущий слух стрекот. Аделаида замерла, настороженно осматриваясь. Стрекот повторился, но уже с другой стороны. И вдруг из-за дерева показалась фигура. Это нельзя было назвать насекомым или животным. И человеком тоже. До этого момента такое не могло даже во сне присниться. Высокое существо, больше двух метров на первый взгляд, на четырёх суставчатых, словно паучьих лапах. Покрытое корой, словно панцирем. Голова на длинной, гибкой шее была украшена целой россыпью фасеточных глаз, тускло мерцающих в полумраке лесной чащи болотными гнилушками. Но хуже всего оказалась пасть. Широкая, распахнутая, полная острых желтоватых клыков. Существо повело головой, и из пасти донеслось то самое стрекотание.

«Вот это я попала...»

Мысль пронеслась в голове Аделаиды, когда она неловко отступила и не сдержала невольного стона — повреждённая нога вновь наткнулась на что-то острое. Чудовище тут же двинулось вперёд. Но и это было не самым жутким. За спиной девушки, совсем рядом, раздался

ответный стрекот. Существо охотилось не в одиночестве. В этот миг Аделаида совершенно забыла, что решила считать происходящее сном и бросилась в сторону, стараясь не обращать внимания на боль. Сделать это было сложно, но когда на кону стоит собственная жизнь, приходится бежать. Раздавшийся сзади треск дал понять, что охота началась.

Аделаида и раньше не знала, куда идти, а сейчас и вовсе неслась, не разбирая дороги. Первые несколько секунд гонки она успешно лидировала, но нога подвела. В самый неожиданный момент эта поганка подломилась, прострелив щиколотку резкой острой болью. Девушка полетела на землю, закрывая глаза в ожидании удара, но тот последовал несколько позже, чем должен был. Проломив собой кустарник, Аделаида свалилась в овраг. Соприкосновение с землёй оказалось таким неожиданным и болезненным, что она на несколько секунд лишилась голоса и просто пыталась вздохнуть. Овраг был довольно глубоким, сырым, зато на какое-то время чудовища потеряли свою добычу из вида. Аделаида, сжав зубы, осторожно поползла, стараясь не шуметь. Но услышав сверху стрекот, замерла и подняла голову. Один из монстров, свесившись с края и держась растопыренными лапами, изгибал шею, вытягивая её. Острые зубы громко щёлкнули. Из пасти капала слюна. Аделаида взвизгнула от страха, но тело оцепенело, не давая ни отпрянуть, ни попытаться найти хоть что-то, что можно было бы использовать в качестве оружия. А тем временем следом за первым показался и второй монстр. С ужасом девушка увидела, как существа, упираясь в края оврага лапами, спускаются к ней. Как будет глупо умереть во сне...

Мозг отчаянно искал вариант спасения. Аделаида отчаянно шарилла рукой по земле в надежде найти хоть что-то для собственной защиты. Пальцы вдруг коснулись упавшей ветки, уже наполовину утопленной в мягкую землю. Страх придавал ей сил, и девушка, ломая ногти, сумела подхватить импровизированное оружие. Пока она возилась, первое из чудовищ уже добралось до цели, нависнув над ней. Мерцающие зеленоватым светом глаза уставились на неё. Аделаида в последней, отчаянной попытке спастись замахнулась и неловко ударила существо по передней лапе. Раздался сухой хруст, но чудовище даже не дёрнулось, зато в руках у девушки остался только короткий обломок. Ветка оказалась слишком тонкой и сухой. Морда с острыми зубами наклонилась всё ниже, и Аделаида закричала, закрывая глаза. Это был конец...

Секунда, другая, и в этот миг слуха коснулся странный свист, а потом пространство наполнилось диким рёвом. Галлахер приоткрыла один глаз и увидела, как на неё падает чудовище, чьи глаза погасли. Второй свист и новый рёв, только чуть дальше. Внезапно обрётшая силы девушка откатилась в сторону и вздрогнула, когда существо рухнуло без движения ровно на то место, где она только что была. Второе же, завывая и ревя, отползало дальше на подгибающихся лапах. В шее каждого торчало по стреле. Аделаиде на миг показалось, что оперение мерцает, но уверенности не было.

— Леди, вы в порядке?

Мужской голос донёсся сверху, а стоило девушке поднять голову, как в поле зрения появился и его обладатель. Аделаида подняла руку, чтобы потереть глаза, сомневаясь в том, что видела.

Каскад смоляных волос, острые черты лица и пронзительные фиолетовые глаза, заглядывающие, казалось, в самую душу. Но даже не это было самым удивительным — за плечами мужчины трепетали на лёгком ветру самые настоящие крылья.

— Леди, вы ранены?

Голос незнакомца тоже был ему под стать. Приятный баритон, с едва заметно рокоющими нотками, почти осязаемо скользил по коже, лаская не только слух, но и тело. Аделаида невольно вздохнула.

— А вот и мужчина. Как по заказу...

Спаситель внимательно смотрел на девушку, лежащую на дне оврага, и на идеальном лице вдруг появилась тонкая морщинка между бровями.

— Вы можете встать? Если подойдёте к краю, я вас вытащу, леди.

В этот раз это его «Леди» прозвучало словно с налётом сомнения. Аделаида пошевелила ногой. Больно, но терпимо. И решительно кивнула.

— Могу. Сейчас.

Акробатический этюд с элементами комедии начался. Аделаида под слоем грязи после падения мучительно краснела. Нет, ну надо же! Впервые в жизни встретила такого потрясающего мужчину, а выглядит хуже самого опустившегося парижского клошара! Оказавшись в вертикальном положении, она заковыляла к краю.

— У вас есть верёвка? Лестница? Я летать не умею.

До спасения было не так высоко, но стенки оврага даже на вид казались скользкими. Проблема решилась гораздо быстрее, чем ей казалось.

— Дайте руку.

Спаситель уже не церемонился, и едва Аделаида подняла руку, как на запястье сомкнулись изящные пальцы мужчины. Она хотела скептически фыркнуть, но не успела. Словно бы и не напрягаясь, фей (ну а у кого ещё могут быть крылья?) поднял её над краем оврага и поставил на ноги.

— Ого! — Аделаида удивлённо присвистнула и тут же покачнулась, рискуя вновь свалиться в овраг. Мужчина моментально пресёк эту попытку, его рука обвила талию девушки, и она оказалась прижата к чужой груди. Перехватило дыхание, сердце забилось чаще от этой близости. Аделаида осторожно коснулась ладонью мужской груди и глубоко вздохнула. Незнакомца окутывал какой-то флёр силы, притягательности и волшебства. И запах... Он пах не лесом и потом, как должен был, а грозой над океаном, холодным металлом и чем-то незнакомым, сладковато-горьким, непривычным.

— Вы как себя чувствуете?

В её мечтах спаситель уже склонялся к губам, готовясь подарить первый нежный поцелуй, но вопрос вернул в реальность. Незнакомец хмурился, а его рука служила лишь поддержкой, всё остальное было лишь фантазиями.

— Я себя... чувствую.

Аделаида попыталась отступить, но мужчина только тяжело вздохнул и отодвинул её подальше от края. Подумал и подтолкнул к поваленному бревну.

— Садитесь. Что за глупая мысль — гулять раздетой в самой опасной части леса? Из какого вы дома? Как добрались сюда?

Обрушился поток вопросов, пока он, грациозно опустившись на одно колено, осматривал повреждённую стопу девушки. Аделаида морщилась, но стойчески даже не ойкала, только попыталась отвлечься от неприятных ощущений и подняла руку, заправляя волосы за ухо. Мужчина именно в этот момент поднял голову, девушка улыбнулась ему, собираясь ответить, но слова так и не были произнесены. Прекрасное лицо спасителя внезапно исказилось, фиолетовые глаза прищурились, и в них отразился лютый холод. Он отдёргнул руки и, кажется, едва удержался от того, чтобы не вытереть их брезгливо об одежду. Аделаида удивлённо захлопала глазами, не понимая причину такой перемены. А мужчина уже поднялся на ноги, сделал шаг назад и процедил:

— Проклятая человечка. Знал бы — не стал бы мешать к'роэллам.

Секундная пауза повисла между ними, очарование от мужской красоты схлынуло, словно на Аделаиду плеснули ледяной водой, оставляя только возмущение. Не вставая с бревна, она упёрла руки в бока.

— К твоему сведению, я не просила меня спасать. Это раз.

Спаситель усмехнулся. За красивыми губами на миг девушке почудились белоснежные, слишком острые клыки, но уже в следующий момент она и думать об этом забыла.

— Надо думать, есть ещё два, а может, и три?

— Есть. Два. Я понятия не имею, что это за лес. Точнее — я уверена, что сплю. Только сон больно странный. Как-то не предполагалось, что загаданный красавец начнёт обзывать и хамить.

Он нахмурился. Сделал несколько шагов в сторону, потом обратно. И, наконец, снова повернулся к Аделаиде.

— Я не знаю как. Но могу тебя уверить. Это не сон. Я вполне реален, а такие убогие замарашки, как ты, никому присниться не могут. Даже с пьяных глаз.

Аделаида задохнулась от ярости, вскочила и замерла как цапля, стоя на одной ноге. Нет, резон в словах мужчины был. После беготни, ползания по оврагу и прочего она явно не выглядела королевой бала. И всё же... обидно.

— Я вообще не всегда так выгляжу. Сам бы попробовал убежать от этих тварей...

Она осеклась. А мужчина ухмыльнулся, скрещивая на груди руки. Ну да, он и попробовал. Только не убежать, а убивать. И при этом не то что не вспотел — на его одежде ни пятнышка. Даже грива волос выглядела так, словно парень только что из салона красоты.

— Ладно. И если я не сплю, как попала сюда? И где мы вообще?

Спаситель на вопросы явно не хотел отвечать. Но всё же снизошёл, вытаскивая из кармана широкую полоску ткани и бросая её Аделаиде.

— Как попала — не знаю. Такие, как ты, живут в отдельных поселениях. В Земли высших их не пускают. Если тебя интересует название места, то это Срединный лес.

Он замолчал, словно ожидая хоть какой-то реакции на свои слова, но девушка молчала, комкая в руках тряпицу.

Аделаида пребывала в глубоком шоке. Неужели всё на самом деле? Но она сделала жалкую попытку пошутить:

— Вроде бы я не живу в Канзасе. И урагана не было.

Мужчина молчал. На его лице не дрогнул ни один мускул. То ли про страну Оз он не знал, то ли это не показалось смешным. Девушка и сама не понимала, как ей реагировать. Мозг

отчаянно отказывался верить в реальность происходящего вокруг, но что-то внутри подсказывало — всё происходит на самом деле. И как быть дальше с этим внутренним ощущением, Аделаида не знала.

— Допустим. Только вот я не понимаю, как оказалась в этом месте. Я была дома, работала. А потом...

Она помнила, как изучала что-то. Что-то важное. Улику. А потом... память словно тонула в густом мареве, не давая сосредоточиться ни на одной детали. Вроде бы был дым, она упала. И пришла в себя на поляне в лесу.

Мужчина всё это время внимательно разглядывал девушку, стоящую перед собой. Что-то в чертах лица, в повороте головы казалось ему знакомым и одновременно причиняло глухую боль. Что именно? Почему грязная человечка приковывает к себе взгляд, не давая просто развернуться и уйти?

Аделаида же не замечала ни взгляда, покусывая нижнюю губу нервно. Определив, что проблемы надо решать по мере поступления, она всё же присела на бревно, собираясь забинтовать ногу предложенной тканью. Но спаситель вмешался, когда девушка уже практически приложила повязку к стопе.

— Стой. Нужно сначала промыть.

Пересиливая себя, мужчина снова присел перед ней, снял с пояса фляжку и без предупреждения плеснул на ранку содержимое. Лес огласил истошный женский визг, Аделаида от обжигающей боли отшатнулась назад, но поскольку незнакомец так и держал её за щиколотку, то композиция получилась довольно авангардной. Через секунду, когда мужские пальцы разжались, визг сменили приглушённые ругательства, потому что девушка свалилась с бревна в густой куст, хорошо хоть не колючий, и спаситель мог несколько секунд созерцать довольно стройные женские ножки, торчащие из зелёных листьев.

Аделаида выбралась из куста взъерошенная и злая, но темноволосый хам уже вешал фляжку на место.

— Теперь можешь бинтовать. Кстати, что тебе помешало так орать раньше? К'роэллы бы и близко не подошли.

То, что он издевается, было понятно. Аделаида забормотала себе под нос что-то, наклоняясь вперёд и бинтуя туго стопу. Удивительно, но когда схлынули неприятные ощущения от соприкосновения жидкости с раной, боль практически ушла.

— Если ты в порядке, я, пожалуй, откланяюсь.

Аделаида подняла голову и прищурилась.

— То есть рыцарь без страха и упрёка бросит беззащитную девушку одну в страшном лесу?

Собственно, она и не ждала, что незнакомец решит ещё раз проявить благородство, если судить по его гримасе брезгливости. Но и промолчать Аделаида не могла — остаться снова одной в чаще не хотелось.

— Слушай, я знаю, я тебе не нравлюсь. Проблема в том, что если ты меня сейчас бросишь, считай — убьёшь.

Мужчина приподнял бровь в изумлении. Человечка наглекла чем дальше, тем больше. Но он не мог не отдать должное её находчивости.

— Предлагаешь красиво взять тебя на руки и нести в замок?

Теперь и Аделаида удивилась. Воображение почему-то подкинуло ей совсем другое видение — как крылатый красавец подхватывает её на руки и несёт... в спальню. Вокруг горят свечи, огонь в камине бросает заманчивые блики на его лицо. Он рвёт на ней пижаму и... Девушка зажмурилась, пытаясь отогнать фантазии в сторону, и, чувствуя, как щёки начинают краснеть, замотала головой.

— Просто не оставляй здесь одну. Хоть на дорогу выведи, а?

К концу фразы голос упал до шёпота. Незнакомец молчал. Так долго, что ей вдруг показалось — он просто ушёл.

— Ладно. Только у меня есть условие.

Аделаида радостно закивала, готовая на что угодно. Но он снова удивил.

— Молчи. Просто ни звука. Поняла?

Она открыла рот, захлопнула обратно и энергично кивнула.

Обещания хватило ненадолго. Минут на десять тишины. Аделаида следовала за спасителем, но мир вокруг был настолько необычным, что удержаться от вопросов было решительно невозможно. На удивление, ответы она получала.

Теперь, когда у Аделаиды появилась компания, продвижение по лесу больше не напоминало игру в салочки с завязанными глазами, где ловили непременно её. Девушка быстро приноровилась к шагам фейри, поймав ритм дороги, и немного расслабилась, с удивлением и восхищением начав оглядываться по сторонам.

— А почему у вас листья на деревьях такого странного цвета?

— Потому что каждое дерево уникально и разумно и само выбирает, как выглядеть.

— А почему трава голубая?

— Потому что в нашей стране магией пропитана сама земля, это и создаёт уникальный эффект такой окраски...

— А почему у тебя такие большие глаза, бабушка?

— Потому что... Как ты меня назвала? — фейри сбился с шага, изумлённо оборачиваясь к ней. Аделаида засмеялась.

— Я пошутила, это у нас такая сказка есть.

Он заломил бровь, но комментировать не стал, продолжая шагать вперёд.

Лес вскоре закончился, теперь вокруг простирались луга, покрытые ярко-бирюзовой высокой травой, по которой ветер гнал волны. Красиво... Словно шагаешь по сухому морю.

— Как тебя зовут? — Она снова нарушила тишину. В конце концов, раз уж на какое-то время им предстоит стать спутниками, почему бы и не познакомиться поближе? Как оказалось, такой простой вопрос поставил брюнета в тупик. Он молчал так долго, что казалось, и вовсе решил не отвечать, пока, наконец, не раздалось задумчивое:

— Ты вроде как обещала молчать, или мне это показалось?

Аделаида пожала плечами.

— Ну это как-то глупо, обращаться к тебе «Эй, ты!». Можно же и познакомиться? Я — Аделаида. А ты?

В ответ тут же прозвучало:

— А я нет.

— Что — нет?

— Я совершенно точно не Аделаида.

Похоже, чувство юмора у незнакомца всё же было. Девушка захихикала и едва не пропустила негромкое:

— Ладно. Можешь называть меня Эрн.

— Какое интересное имя, — Аделаида прихрамывала, отстав от Эрна немного. На удивление, мужчина то ли специально, то ли неосознанно выбирал дорогу так, чтобы ей было комфортно.

— Интересное? — он даже не обернулся, двигаясь вперёд, — обычное. Просто сократил его для тебя, чтобы язык не сломала и не раздражала меня ещё больше, пытаясь выговорить полное.

Аделаида тут же зацепилась за фразу, ускоряя шаг.

— А полное какое?

Эрн только плечом в ответ дёрнул и не ответил. Даже шаг ускорил.

Тем временем лес редел, становилось светлее. Девушка заметно приободрилась, ожидая конца утомительного пути.

— А как называется ваша страна?

Он обернулся, удивляясь, откуда в человечке столько сил. Вопросы сыпятся и сыпятся.

— Страна? Есть земли Благих. Есть земли Неблагих. Есть Дикие Пустоши, есть Приграничье. Какая из территорий тебя интересует?

Аделаида замолчала ненадолго, осмысливая сказанное. Пустоши и Приграничье ей, конечно, ни о чём не говорили. А вот названия «Благие» и «Неблагие»... Она нахмурилась, пытаясь вспомнить. Что-то старое, очень глубоко скрытое в памяти. Что-то из детства. Соль, принесённая ветром с побережья. Запах вереска, древние камни. И рассказы стариков.

— Благие и Неблагие феи. Полые холмы. Волшебство.

Девушка бормотала себе под нос, но Эрн услышал. Хмыкнул.

— Человечки помнят?

Аделаида же только хмурилась. В детстве ей было не до этих сказок. Лучше было бегать и прыгать, чем слушать байки стариков, что с утра до самой ночи сидели на порогах домов, подслеповато шурясь на солнце.

— Так ты — фея?

В ответ раздался звук, словно Эрн поперхнулся. Он остановился, медленно обернулся. Фиолетовые глаза угрожающе прищурились.

— Я — высший фейри, человечка. Советую следить за языком. Кто-то другой мог бы и свернуть тебе шею за такие слова.

От него вдруг повеяло какой-то потусторонней жутью, тьмой и страхом, и Аделаида невольно отступила на шаг. Почему-то именно сейчас она окончательно поверила, что это и в самом деле другой мир, а не бред воспалённого сознания. А Эрн прикрыл глаза, словно подавляя злость. Сжались и разжались кулаки, он выдохнул.

— Я ничего тебе не сделаю. Пока. Обещал вывести из леса...

«Пока» звучало очень многообещающе. Эрн и сам не мог понять, почему ещё не свернул человечке шею. Её болтовня ужасно раздражала, но что-то не давало долго злиться. Какая-то удивительная нежность возникала каждый раз в сердце, стоило ему бросить на девушку взгляд. Хотелось протянуть руку, дотронуться до её щеки, ощутить нежность кожи. И эти желания раздражали фейри безмерно. Ещё не хватало — пачкать руки о низшее создание. Аделаида же, не зная об этих сомнениях, снова двинулась вперёд.

— Я поняла. А почему нельзя называть тебя...

К концу фразы она сникла под ледяным взглядом Эрн и потупилась. Как и ожидала, фейри ответил:

— Потому что. Если бы я называл таких, как ты, людишками, тебе бы понравилось?

Аделаида поджала губы.

— Мне и слово «человечка» не нравится, если что.

Эрн пожал плечами, мол, ничего не знаю, терпи.

Тем временем лес неожиданно закончился. За спиной шумели деревья, а впереди, насколько хватало взгляда, простирались холмы и поля. Яркая лавандовая трава мешалась с бирюзовой, островками росло что-то розовое, жёлтое, синее, создавая живописное полотно экспрессиониста с яркими мазками. Это было настолько красиво и непривычно, что дыхание перехватывало. Несколько минут девушка просто любовалась видом, забыв о том, что им надо идти, что она в пижаме, босиком и вообще в другом мире, откуда ещё предстоит выбираться.

— Ты решила поселиться здесь? Прекрасно. Уважаю твой выбор. Помочь построить шалаш?

Голос Эрн с насмешливыми нотками разбил очарование вида, заставив Аделаиду обернуться.

— А мы ещё не пришли?

Она обернулась по сторонам, но ни поселения, ни дороги не увидела. Фейри усмехнулся.

— Это Дикие Пустоши, детка. Здесь нет поселений практически. А мой конь пасётся за тем холмом. Или ты уже устала?

Судя по тону, Эрн снова издевался. Так что девушка гордо вздёрнула нос.

— А что, ты мечтаешь понести меня на руках? Если так, то мог бы давно сказать, я не против.

Она кокетливо стрельнула глазками в сторону брюнета. Тот ожидаемо поморщился, словно ему предложили поцеловать жабу, и зашагал вперёд. Аделаида негромко захихикала, довольная собой, и заторопилась следом. По траве идти было приятнее. Только вот расстояние оказалось очень обманчивым. Казалось, что до холма какие-то несколько десятков шагов, но они шли уже минут пятнадцать. Аделаида тяжело вздохнула. Потом ещё раз. Потом снова. После десятого вздоха Эрн обернулся.

— Что?

Девушка пожала плечами.

— Устала.

Он усмехнулся.

— А может быть, ты молчать устала? В это я поверю охотнее.

В ответ Аделаида насупилась, но не признать правоту фейри не могла.

— Расскажи хоть, пока идём, что ты вообще делал в этом лесу? Или ты живёшь рядом?

Эрн прищурился.

— Ты смешная. Кто же живёт в Диких пустошах?

Радуюсь неожиданной передышке и внезапной болтливости спутника, Аделаида оживилась, мысленно потирая руки и не собираясь упускать своего шанса.

— Откуда мне знать? Я и про наличие каких-то там Пустошей узнала час назад. Может, ты отшельник. Или бродячий сказитель. Хотя какой из тебя менестрель? Слова не вытянешь. Они у тебя платные, что ли?

Крылья у фейри вдруг задрожали. Потом плечи. Девушка прикусила язык. Неужели, правда, менестрель? Она читала в книжках, что творцы — народ обидчивый, ранимый...

— Ты это, прости, что ли? Я не хотела тебя обидеть.

Ускорила шаг, чтобы догнать мужчину, даже руку протянула — погладить по плечу, успокоить. Но дотронуться не успела. Эрн расхохотался, даже не пытаясь сдержаться.

— Человечка, может быть, тебя в бродячий цирк сдать? Будешь иметь успех. Денег заработаешь.

Сдержаться Аделаида не смогла. Кулак врезался в его плечо, но мужчина только отступил на шаг, смеясь ещё громче. Девушка выдохнула и надулась. Нет, ну надо же! Смеяться над ней, придумал тоже. Извиняться мужчина не собирался, продолжил веселиться и дальше, но вперёд снова двинулся, вынуждая Аделаиду следовать за ним. Минут через десять до холма они добрались. Только вот лошади за ним не оказалось. Вообще не оказалось, сколько бы ни оглядывался Эрн по сторонам, мрачней с каждой секундой. Аделаида присела на траву, вытягивая гудящие ноги. Снадобье фейри пока действовало, и боль почти не ощущалась, но от усталости это не избавляло.

— Я так понимаю, у твоего коня седло-невидимка? Или его просто видишь только ты?

Эрн обернулся. На его лице было написано откровенное недоумение.

— Ничего не понимаю. Глейст никогда не уходит далеко.

Аделаида внимательно осмотрелась. Луга были. Холмы — тоже. Ничего похожего на лошадь не было даже на горизонте. Кряхтя, она поднялась, с трудом разогнувшись, и заковыляла вперёд.

— Ладно. Где именно ты его оставил?

Эрн скептически глянул на человечку, но пальцем в землю ткнул.

— Вот на этом месте. А теперь его нет. Как испарился.

Девушка присела на корточки, касаясь кончиками пальцев травы. Чуть-чуть примята, видно, что по ней ходили. И словно молния ударила. У Аделаиды потемнело в глазах, руки, коснувшись стеблей, словно погрузились не в зелень, а в тёплую, пульсирующую энергию. В висках застучало, как перед мигренью. Потом перехватило дыхание, а перед глазами замелькали картинки, как будто кто-то листал слайды. Прекрасное животное, чёрное, как смоль, с золотистой стрелкой на лбу. Вскинутая гордо голова, грива, по которой словно искорки пробегают. И вдруг — уродливая, четырёхпалая лапа, покрытая сморщенной коричневой кожей, с жуткими костяными наростами сжимается на поводке. Аделаида отпрянула назад, не удержалась и тяжело плюхнулась на зад, едва не отбив себе копчик. Через секунду на её плечи легли прохладные ладони Эрна, и он встревоженно спросил, отбросив на время свой скептицизм и неприязнь:

— Детка, что с тобой? Тебе плохо?

Девушка прерывисто дышала, но картинка словно впечаталась в память, не давая забыть ужасающую конечность. Она будто на миг почувствовала отвратительный запах, исходящий от похитителя, услышала хриплое сопение, ощутила на своей ладони грубость кожи поводка.

— Я... Мне кажется, твоего коня украли. Не могу объяснить, как это получилось. В вашем мире водятся такие существа? Грубая кожа складками, похожая на кору. Костяные наросты. Когти.

Ладони Эрна на плечах чуть сжались.

— Похоже на хобгоблина. Вот уж мерзкие твари.

Кажется, Эрн поверил. Даже доказательств не требовал, только размышлял. А вот Аделаида сама себе не верила. Как так вышло? Она осторожно вывернулась из рук фейри и снова потянулась к земле. Теперь к какому-то странному мистическому озарению добавился профессиональный взгляд детектива.

— Он был не один. Видишь? Вот здесь следы одного, а здесь — другого.

Вставать на ноги? Да зачем? Девушка встала на четвереньки и поползла дальше, предоставив Эрну право полюбоваться на оттопыренные вверх тыл. Судя по смущённому покашливанию, фейри открывшийся вид оценил.

— И ушли они вот туда.

Аделаида определилась с направлением и обернулась к мужчине.

— Как догонять будем?

Глаза её горели азартом, но Эрн быстро остудил этот пыл.

— Не будем мы их догонять. Глейст умничка, сам сбежит от похитителей. Ну или от тех, кому его продадут. А уж куда возвращаться — он знает. А мы с тобой отправимся к королю Неблагого двора. Если кто и может помочь нам избавиться от тебя, так это он.

Фразу про «избавиться» Аделаида предпочла не заметить, зато услышала другое.

— То есть я не навсегда сюда попала?

Эрн изобразил на лице ужас.

— Не дай великая Дану. Только если в наказание мне за какие-то грехи.

Сморщив нос, девушка задалась другим вопросом.

— А с чего ты уверен, что нас к королю кто-то пустит? Не знаю, как у вас здесь, а у нас к президенту не то что на приём — на милю близко не подойдёшь.

Фейри хмыкнул, поднялся на ноги и в два шага оказался рядом с Аделаидой. Наклонился, подхватывая её под мышки, и придал вертикальное положение.

— Ну, во-первых, король — это тебе не какой-то непонятный президент. В его интересах позаботиться, чтобы наш мир оставался в относительном покое. Во-вторых, я во дворце... скажем так, работаю. Так что с проникновением проблем не будет.

Аделаида внимательно уставилась в лицо спутника, чуть запрокинув голову. Нет, ну какой же всё-таки красавец! Ещё и важная шишка, раз уж во дворце работает. Правда, через секунду она подозрительно прищурилась.

— Я надеюсь, ты не помощник повара или садовник? А то, боюсь, король и слушать тебя не станет.

Эрн отрицательно качнул головой.

— Не волнуйся. Станет. Но чем дольше мы тут торчим, тем хуже.

Он подтолкнул девушку вперёд, вынуждая шагать. Она молчала целую минуту. Но потом не выдержала.

— И чем же хуже? Если ты сейчас скажешь, что я отравляю этот мир, официально заявляю: я тебя стукну.

На удивление, Эрн на подкинутую идею не повёлся, наоборот, очень серьёзно покачал головой.

— Нет. Дело в другом. Чем дольше ты будешь здесь... Скажем так. Наш мир, как ты, наверное, уже успела понять, а если не успела, то можешь начинать, пропитан своей особой магией. Она везде. В земле, воздухе, в еде и питьё. Медленно магия проникает в тебя, про-

питывает каждую клеточку. И в один прекрасный момент её станет так много, что твой мир перестанет воспринимать тебя своей частью. Ты просто не сможешь больше дышать тем воздухом, есть привычную еду. И тогда будет два варианта. Если удастся, ты быстро сможешь найти переход сюда. Если нет — мир отторгнет тебя, и ты погибнешь.

Аделаида застыла на полушаге. И дышать, кажется, перестала. Видя такую реакцию, Эрн поспешил успокоить:

— Нет, есть ещё выход. Ты останешься здесь. Как люди, которые однажды пришли в благословенный край и остались навсегда. Поверь, в этом тоже есть плюсы.

Девушка замотала головой.

— Не хочу! Мне надо домой. У меня там работа! И я уверена, есть какое-то очень важное дело. Просто чувствую это. Но вспомнить не могу.

Она глянула на Эрна и потянула его за рукав.

— Не стой столбом, двигайся! Нам срочно надо к этому твоему королю. Кстати, скоро уже придём?

Фейри усмехнулся, видя такую прыть, и пожал плечами.

— Если повезёт — пешком за неделю можем добраться.

Споткнувшись, Аделаида замерла и медленно обернулась. Смерила его взглядом.

— А если полететь?

Эрн склонил голову к плечу. Пряди волос скользнули по рубашке, мелькнул кончик острого уха и блеснуло какое-то украшение. Крупный камень отражал солнце, создавая россыпь фиолетовых искр. Девушка невольно залюбовалась и едва не пропустила:

— В целом — можешь попробовать. Если найдём обрыв, и ты быстро будешь махать руками...

Он снова издевался.

— А крылья, дай угадаю, нужны просто для красоты?

Эрн снова проигнорировал вопрос. Аделаида уже успела заметить, что фейри любит смеяться над другими сам, но подтрунивание над собой не выносит, предпочитая моментально прикидываться глухим.

— Послушай, я всё понимаю. Но я практически без одежды, босиком. Идти целую неделю, пешком? У меня уже плечи припекает от солнца. И наступать больно уже.

К концу фразы голос девушки задрожал, и Эрн, наконец, обернулся. При виде бледного лица с чуть покрасневшими скулами и подозрительно блестящих глаз его сердце вдруг сжа-

лось. Человечка, раздражающая до невозможности... Но при виде её глаз, которые уже наполнились слезами, появилось внезапное, болезненное желание утешить, защитить. Фейри тяжело вздохнул и стянул с плеч тонкую куртку.

— На. Набрось на себя. Это спасёт от солнца.

Аделаида куртку приняла, не стала гордо отказываться. Ткань оказалась гладкой и прохладной, будто из воды сотканной. С обувью было сложнее. Эрн глянул на небо, потом по сторонам.

— Ладно. Сделаем так. Сегодня заночуем здесь неподалёку, я попробую что-то придумать, заодно и попробуем вылечить твои боевые раны. Ещё полчаса-час пути выдержишь? Или тебя, правда, понести?

На удивление, сейчас в голосе мужчины издёвки не было. Аделаида тяжело вздохнула, но скрепя сердце, покачала головой.

— Думаю, час я смогу идти. Если что, мы же можем ненадолго останавливаться?

Эрн кивнул. Они снова двинулись вперёд, но теперь фейри старался держаться рядом, и в тот момент, когда девушка начала морщиться и снова тяжело захромала, подставил ей локоть.

— Держись. Уже недалеко осталось. Вот, видишь? Рошица впереди. Там и ручей есть рядом, сможем с относительным комфортом устроиться.

Аделаида стиснула зубы и оперлась на предложенную руку. До роши вроде бы и недалеко было, но она уже успела понять, что расстояния в этом мире очень обманчивы на первый взгляд. На удивление, они всё же дошли. Девушка тут же села, а Эрн принялся обуустраивать лагерь.

— Припасы остались в седельной сумке. Но я знаю, здесь растут съедобные ягоды. Посиди пока, я скоро.

Фейри исчез за деревьями, оставив Аделаиду в одиночестве. День клонился к закату, солнце окрасило небо в оранжевый, подсвечивая редкие облака.

— Хоть дождя не будет... — пробормотала девушка, устраиваясь поудобнее. Мужчина вернулся довольно скоро.

— Огонь разводить не будем, сухих веток точно недостаточно, а ломать живые не стоит.

Он протянул руку и высыпал в подставленные ладони Аделаиды пригоршню крупных ярко-синих ягод.

— Держи. Они хорошо утоляют голод.

Таких она ещё никогда не видела. Похожие на малину, ягоды просвечивали на солнце. Аделаида осторожно засунула одну в рот, и когда ягода лопнула, зажмурилась от удовольствия. На вкус это было совершенно потрясающе. Лёгкая кислинка, освежающая и приятная, сменя-

лась сливочным вкусом, как у лучшего мороженого, оставляя после себя послевкусие молочного шоколада. Девушка едва сдерживалась, чтобы не запихнуть сразу всё в рот, настолько вкусно это было. Занятая процессом поглощения, она пропустила момент, в который фейри присел перед ней на корточки, и очнулась лишь тогда, когда он ловко принялся стягивать повязку.

— Ты что делаешь?

Аделаида попыталась вырвать ногу из его рук, но Эрн только чуть крепче стиснул пальцы, не позволяя ей этого сделать.

— Хочу осмотреть твою рану. Раз уж мы решили, что идём вместе, в моих интересах, чтобы ты могла двигаться нормально. И ягоды ешь. Я потом ещё наберу.

Фейри внимательно осматривал ступню. Не так всё страшно. Небольшая ранка, довольно чистая.

— Посиди спокойно. Я сейчас вернусь.

Аделаида не успела опомниться, как мужчина скрылся из глаз. Она осторожно ела ягоды и пропустила тот момент, когда Эрн вернулся. Он же стоял напротив и, не отрываясь, с какой-то жадностью разглядывал женскую фигурку перед собой. Закатное солнце бросало причудливые блики на её волосы, заставляя вспыхивать отдельные пряди ярким золотом. Глаза стали зеленее и глубже, а губы блестели от сока ягод.

— Ты в порядке?

Её голос разбил это наваждение. Перед фейри сидела всё та же человечка, самая обычная, в дурацкой одежде, растрёпанная и недоумевающая. Эрн потряс головой. На миг ему показалось... Нет, чушь. Просто он всё ещё, даже спустя столько лет, не мог забыть ту, что засела в сердце тупой занозой. Но это в прошлом.

— Эрн!

Кажется, человечка уже несколько минут пыталась привлечь его внимание.

— Я в порядке. Просто задумался.

Фейри снова присел на корточки, осторожно касаясь тёплой кожи пальцами. Он размял травы и приложил их к ране, а потом принялся туго бинтовать ступню.

— Вот так. К утру должно стать полегче. Осталось только решить, как быть дальше.

Эрн присел рядом, отряхивая ладони. Аделаида задумчиво облизывала пальцы. Удивительно, но после какого-то десятка этих ягод голод отступил.

— А как быть дальше? — она повторила слова фейри, наблюдая, как солнце скрывается за холмом. — Я ведь вообще не понимаю, где мы, куда идти дальше. И у меня проблема не только с ногой.

Рёбра уже давненько ныли, напоминая, что доктора прописывали покой, а не бег с препятствиями и падение в овраги. Эрн помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию. Сам он добрался бы гораздо быстрее и проще. Но ведь пообещал. В мире фейри всегда действовало правило — обещание, произнесённое вслух, становилось нерушимым. Об этом человечка не знала, и именно поэтому беспокоилась.

— Не волнуйся. Если я сказал, что отведу тебя во дворец, значит — отведу. Здесь недалеко есть деревня, утром отправимся туда. К обеду будем на месте. А дальше станет проще. А пока держи. Один глоток, не больше.

Аделаида успокоенно вздохнула, принимая из чужих рук фляжку и поднося к губам. Крепкий напиток обжёг горло, но по языку сразу же растеклась сладость яблок и вишни.

— Дойти бы ещё до той деревни...

Фейри усмехнулся, забирая флягу обратно.

— Ложись спать. Уже стемнело. Встанем рано, чтобы идти по прохладе.

Девушка завозилась, устраиваясь поудобнее и кутаясь в чужую куртку плотнее. Закрыла глаза и тут же снова их распахнула.

— А ты... не уйдёшь ночью?

Улыбнувшись, Эрн протянул руку и поправил куртку, сползшую с плеча девушки.

— Не уйду, обещаю. Спи.

...Аделаида поморщилась, когда что-то пощекотало её нос. На удивление, было тепло и удобно, хотя, казалось бы, на земле не должно было быть настолько комфортно. Нос снова что-то пощекотало, и девушка приоткрыла один глаз, пытаясь смахнуть то, что её разбудило. Оказалось, на щеке лежала тёмная прядь волос, приятно пахнувшая можжевельником и почему-то морем. Она открыла и второй глаз. Это помогло. Оказалось, что Аделаида лежит в кольце рук спящего Эрна, прижавшись щекой к его плечу. Интересно, как она оказалась в чужих объятиях? Сама переползла в поисках тепла? Или это Эрн постарался? Второй вариант импонировал больше. Аделаида подняла руку, осторожно отводя волосы фейри в сторону. Этот лёгкий жест, к сожалению, разбудил мужчину. Эрн открыл глаза.

— Выспалась?

Он не улыбался, но во взгляде было что-то странное. А ещё Аделаиде показалось, что фейри собирался сказать что-то ещё, но промолчал. Она внезапно смутилась, завозилась, чтобы выбраться из чужих рук. И почувствовала, что мужчина рефлекторно прижал её плотнее, не давая сразу отстраниться. Но потом опомнился отпуская.

— Так ты выспалась?

Аделаида молча кивнула, отодвигаясь немного дальше, и принялась торопливо приглаживать волосы. А фейри потянулся, разминая мышцы. Тонкая ткань рубашки натянулась, обрисовывая контур тела.

Аделаида невольно сглотнула. Красив, зараза... А фейри словно ничего не заметил. Плавное поднялся на ноги и кивнул в сторону.

— Там ручей. Если хочешь умыться.

Девушка хотела, ещё как! Тоже встала, сделала несколько шагов и остановилась. Нога не болела. Эрн, заметив заминку, улыбнулся.

— Травы помогли, как я вижу? Тогда поторопись.

Ручей и правда был совсем недалеко. Аделаида склонилась над водой, глядя на своё отражение. Жуть какая! Солнце всё же обожгло кожу на лице, оставив неровные розоватые пятна; грязь, ветки и листья в волосах. Если бы она в таком виде просила милостыню — озолотилась бы! Девушка торопливо зачерпнула воды ладонями, плеснула в лицо, потом ещё и ещё раз. Через несколько минут уже можно было не пугаться отражения. Волосы удалось причесать пальцами, самая длинная и крепкая веточка стала заколкой. Ну а что? Авангардно и не банально. Присев на берегу, девушка аккуратно размотала повязку, осматривая ранку. За ночь та почти затянулась. Удивительно! Смыв засохшую травяную кашицу со ступни, Аделаида провела мокрыми ладонями по предплечьям, шее и плечам. Холодная вода освежила и взбодрила. Так что к моменту возвращения она уже не выглядела так отвратительно.

Эрн сидел на корточках под тем же деревом, под которым они ночевали. Кисти рук расслабленно лежали на коленях, но при звуке шагов фейри встрепенулся, одобрительно кивая. Аделаида подошла ближе и удивлённо уставилась на то, что появилось за время её отсутствия на траве перед мужчиной. Лапти. Или что-то, очень на них похожее, сплетённое из травы.

— Это откуда?

Её изумлению не было предела. Фейри же усмехнулся, развёл руками.

— Обувь. Наверно, феи принесли?

Судя по усмешке в голосе, он снова шутил. Или нет? Лапти же спокойно стояли и на морок никак не тянули своей банальностью и простотой. Если уж мерещились, то девушка бы предпочла что-то более изысканное.

— Будешь смотреть? Или примеришь?

Эрн едва сдерживал смех, уж больно забавно выглядела человечка с приподнятыми домиком бровями и вытаращенными глазами.

— Пока придётся обойтись этим. Если повезёт — в деревне купим что-то получше.

Аделаида присела, чтобы обуться. Удивительно, но лапти были точно по ноге, мягкие, удобные. Они крепились на щиколотках тонкими зелёными шнурами, сплетёнными из травы.

— Удобно?

Эрн, не отрываясь, смотрел, как она завязывает аккуратные бантики. Девушка кивнула.

— Да, вполне. Спасибо.

Ни в каких фей она не поверила. Но удивление тщательно скрывала, пока не решив, как стоит относиться к этой неожиданной заботе. То он кричит на неё, то лапти плетёт по полночи. Они снова шли. Все те же бескрайние моря травы, холмы и редкие рощицы.

— Это подарок?

Во сне знания о фейри в голове немного уложились, и она вспомнила три основных правила. Ничего не есть. Не называть своего имени. Не принимать подарки. Два из них она нарушила не задумываясь. Да и третье было под сомнением.

— А тебе как приятнее думать? Что это подарок или вынужденная мера? — Эрн снова забавлялся, и снова — за её счёт, что было ожидаемо. — Да уж. Доходит до тебя долго.

Что-то решить надо было прямо сейчас. Стоило ли доверять ему? Однозначно нет. Но и остаться без провожатого в мире, о котором она не знает ничего, — идея рискованная, если не сказать безумная.

— Буду считать, что ты неправильная фея. В смысле — фейри.

За разговором время пролетело незаметно. И поле вдруг оказалось разделено на две половины тёмной полосой. Перед ними была дорога. Достаточно широкая, вполне себе удобный тракт, так, кажется, принято было называть транспортные пути раньше? Аделаида устала, чувствуя, как ноги наливаются свинцом, затрудняя шаги, зато Эрн, как ни в чём не бывало, продолжал идти вперёд.

— Смотри, там, кажется, деревня? Мы к ней же шли?

Галлахер мотнула головой, обозначая направление. Справа от дороги, прячась среди двух холмов, темнел редкий, покосившийся плетень, разделённый гостеприимно открытыми воротами. Эрн повернул голову и поморщился.

— Нет. Нам дальше нужно.

Девушка приподняла бровь, чуть щурясь, чтобы разглядеть немногочисленные домики, вокруг которых сновали дети. Где-то блеяла овца, мычали коровы.

— А что с этой не так? Или такие места ниже твоего достоинства? — она внимательно оглядела одежду провожатого, отметив и тончайший шёлк рубашки, и замшевые штаны, заправленные в высокие сапоги, дорогие даже на вид, украшенные причудливыми пряжками в виде молний.

— Ты ничего не знаешь о нашем мире, человечка, — голос Эрна сейчас отдавал холодом зимней ночи, — это деревня химер.

И, словно это всё объясняло, зашагал дальше.

Зато Аделаида остановилась, морща лоб и пытаясь вспомнить, кто же такие химеры. В голову упорно лезли ассоциации про смесь льва, козы и змеи, но это не имело ничего общего с редкими сельчанами, которых она могла увидеть даже с такого расстояния.

— Химеры это... — начала, вопросительно глядя в спину фейри.

Эрн, наконец, осознал, что спутница продолжает стоять на месте, досадливо поджал губы оборачиваясь.

— Химеры — это потомки фейри и людей, взявшие худшие качества и от тех и от других. Жестокость нашего народа, склонность к агрессии людей, отвратительный характер, неконтролируемые всплески магии — вот что такое химеры.

Сказать, что Аделаида удивилась, значило бы ничего не сказать. А Эрн тем временем продолжал:

— И почему-то именно они решили когда-то, что просто необходимо являться к смертным и представляться гордым именем «фейри», а потом пакостить. Неужели не слышала ваших легенд, как феи могут затанцевать до смерти или украсть детей? Так вот, это всё — проделки химер.

Пауза. Она пыталась осмыслить сказанное, припоминая и бабушкины сказки, и прочитанные в сети истории, а фейри всё больше распалялся:

— А ещё среди них первоклассные воры! Умудрились даже проникнуть в королевский дворец и украсть...

Продолжения не последовало. Эрн внезапно спохватился, что наговорил лишнего, и, нахмурился, уставился на девушку тяжёлым взглядом.

— Что украсть? — Аделаида задумчиво смотрела на него, морща лоб.

— Знаешь человеческую поговорку? От любопытства кошка сдохла.

Прозвучало спокойно, но от слов так и веяло скрытой угрозой такой силы, что по спине девушки побежали мурашки.

Эрн смотрел на неё несколько секунд, потом удовлетворённо кивнул, понимая, что вопросы исчерпали себя, и повернулся спиной.

— Так что? Рискнёшь заглянуть в эту деревню? Или идём дальше?

Галлахер глянула на ворота, потом на своего провожатого.

— А почему они живут так обособленно? Рядом же нет никаких поселений.

— Потому что им не место среди чистокровных фейри. Кто потерпит рядом таких соседей?

На взгляд девушки, ничего страшного ни в домах, ни в людях не было. Обычная сельская жизнь в глуши.

— Слушай. Ну, может, я сама к ним схожу? А ты меня здесь подождёшь?

Эрн внимательно смотрел на человечку и явно едва сдерживался, чтобы не повысить голос. А потом глаза его сверкнули. И фейри преувеличенно вежливо поклонился, отступая в сторону.

— Я буду ждать два часа. Если застрянешь там — пеняй на себя.

Аделаида, уже сделавшая шаг вперёд, остановилась, подозрительно взглянула на мужчину. Это он так хочет отделаться от неё? Что-то уж больно весёлый. Но всё равно тряхнула головой, одёрнула куртку и решительно направилась к открытым воротам. Надо же доказать этому снобу, что нельзя равнять всех под одну гребёнку!

При приближении девушки ребятишки оживились. Ещё бы — такая диковинка в их глуши!

— Мама! Мама! Смотри, гости!

Смуглая девочка сверкнула янтарными глазами и припустила в сторону домишки с покосившимися ставнями. На гомон детворы взрослые принялись выходить на улицу, настороженно глядя на растерянную Аделаиду, замершую посреди круга из детей.

— Здравствуйте. А я тут... мимо шла.

Фраза девушки, самая обычная, словно запустила какой-то механизм. Сельчане загалдели разом, обступая Аделаиду со всех сторон. Она попятилась, но выход из деревни уже был перекрыт.

— Гости! Гости — это хорошо!

Из-за спин деревенских жителей, важно заложив большие пальцы за пояс, выступил высокий, довольно молодой и симпатичный мужчина. Такими рисуют в сказках рыцарей и принцев — синие-синие глаза, светлые волосы чуть вьются, широкие плечи. Только вместо сияющих доспехов на нём была обычная холщовая рубашка, серые штаны. Только ремень, хороший такой, добротный, выделялся на фоне остальной одежды.

— Гостей мы любим...

Мужчина приговаривал, обходя Аделаиду по кругу, точно лошадь на рынке выбирал, но уже через секунду просиял белозубой улыбкой.

— Очень мы любим гостей! Да не бойся, мы прохожего никогда не обидим, чай, не звери. Проходи, сейчас накормим тебя, напоим, отдохнёшь! Как звать-то тебя, красавица?

Голос у него оказался под стать — глубокий, красивый. Девушка открыла было рот, чтобы представиться, но вдруг спохватилась. В голове сами собой всплыли слова Эрна.

«И почему-то именно они решили когда-то, что просто необходимо являться к смертным и представляться гордым именем «фейри», а потом пакостить. Неужели не слышала ваших легенд, как феи могут затанцевать до смерти или украсть детей?»

— Я Дороти.

В конце концов, они видятся первый и последний раз в жизни, зачем рисковать и называться настоящим именем?

Мужчина просиял снова, и Аделаида невольно улыбнулась — такой заразной была эта улыбка.

— Прекрасно, Дороти! Ты можешь называть меня Вейн. Я староста деревни.

Вейн сделал знак какой-то женщине, и та убежала, а сам староста ласково приобнял Аделаиду за плечи. От его ладоней струилось приятное тепло.

— Пойдём. Расскажешь нам, что с тобой приключилось. Мы поможем, не сомневайся.

Голос его успокаивал, а синие глаза были такими... завораживающими. Девушка и сама не поняла, как двинулась туда, куда её увлекала толпа.

— Что же случилось, Дороти? Как такую прекрасную девушку занесло в наши края, в всеми забытую глушь?

Во дворе какого-то дома лежали тюки сложенного сена. Вейн, так и не отпуская её плеч, заставил Аделаиду присесть, опускаясь рядом. Ей так захотелось рассказать всё. Про другой мир, про ужасающих чудовищ в лесу, про издевательства Эрна. Но в этот момент вернулась женщина, отправленная старостой куда-то.

— Вот! Угощайтесь!

Ладони подрагивали, когда селянка протянула Аделаиде краюху хлеба и простую глиняную кружку, наполненную каким-то напитком. Девушка подношение приняла, вежливо улыбаясь. А Вейн кивнул важно, отпуская заметно нервничающую женщину.

— Дай угадаю. Наверно, тебя ограбили? Вижу, что даже одежду унесли. Вон, только куртка с чужого плеча и осталась.

Его пальцы словно невзначай погладили ткань, и Аделаида замерла. Как-то излишне сочувственно это прозвучало. Нарочито, а в голосе — едва уловимая усмешка. Словно знал что-то староста. Девушка осторожно пристроила хлеб на сено. Происходящее вмиг отрезвило, отогнало ту странную, почти непреодолимую тягу выложить симпатичному синеглазому блондину всё, что произошло с ней до этого. Теперь уже рука Аделаиды дрогнула, и напиток в чашке качнулся, несколько капель выплеснулось на запястье. Горячие, словно кипятки, они обожгли

кожу, и Аделаида невольно вскрикнула, опуская глаза. В глиняной чашке было не разобрать цвет, зато сейчас, на свету, напиток переливался ярким ультрамариновым цветом. Боковым зрением она увидела какое-то движение, скосила глаза и вздрогнула от отвращения. Тот кусок хлеба, которым её угощали, пестрел всеми оттенками зелёной плесени, и по его поверхности ползали белёсые жирные черви.

— Ну же, Дороти! Ты ведь хочешь мне всё рассказать!

Голос Вейна рядом, и чужие пальцы сильно стиснули плечо, причиняя боль. Аделаида повернула голову. С глаз словно вуаль очарования сдёрнули, и черты лица старосты поплыли немного, переставая вызывать восхищение. Почти обычное лицо, только нос оказался крючковатым, истончились губы, сливаясь цветом с бледной кожей. И только глаза остались прежними, синими, но налились каким-то светом, не давая отвести от них взгляд. Вейн вдруг облизнулся быстро, мелькнул фиолетовый язык.

— Хочу...

Аделаида и правда хотела. Точнее, она старательно сопротивлялась, но всё её сознание тянулось вперёд. Ещё секунда — и она расскажет всё. Губы, несмотря на все усилия, разомкнулись, омут чужих глаз затягивал всё сильнее. И в тот момент, когда первое слово уже почти сорвалось с губ, в воздухе свистнула стрела. Острый наконечник разрезал пространство между Аделаидой и тем существом, что ещё минуту назад прикидывалось обаятельным парнем. Это было так неожиданно, так резко, оперение задело кончик носа девушки, и стрела вонзилась в стену сарая дрожа. Вейн отпрянул назад, оглядываясь. Его движение разорвало эту странную магию, что удерживала Аделаиду на месте, выворачивала её наизнанку. Откуда взялась эта стрела? Она даже не сомневалась. И не собиралась медлить. В лицо Вейна полетела кружка, расплёскивая содержимое. От неожиданности староста закрыл лицо свободной рукой, а девушка сбросила его ладонь с плеча и вскочила. Куда бежать? К воротам нельзя, там селяне, которые явно не собирались выпускать её из деревни. Плутать между домами тоже опасно. В любую минуту её схватят, и тогда у защитника не хватит стрел, чтобы дать шанс убежать. А Вейн уже пришёл в себя, одним гибким движением поднимаясь с сена.

— Ну что же ты, Дороти... Давай поболтаем. Ты расскажешь мне всё. И, заодно, откуда у тебя такая красивая курточка!

Теперь, когда магия не действовала на Аделаиду, она слышала и шипящие нотки в голосе Вейна, и ту ненависть, что сочились из каждого слова. Девушка решилась на безумный шаг. Бросилась в сторону, туда, где высокий плетень обозначал границу деревни.

— Стой! Взять её!

Голос старосты раскатился по всей деревне, и топот множества ног позади Аделаиды недвусмысленно дал понять, что гостью просто так не выпустят. Она бежала так быстро, как только могла, плетень приближался. И откуда только силы взялись? Тяжёлое дыхание сзади, но Аделаида не могла позволить себе ни обернуться, ни вдохнуть глубоко. Жерди в заборе были кривыми и местами гнилыми, поэтому девушка легко нашла подходящую дыру и ловко проскользнула в неё, оказываясь за околицей. Отдыхать было нельзя, поэтому, оскальзываясь на траве, Аделаида побежала дальше, уже не интересуясь преследователями. Химеры же, попытавшись повторить её трюк, замерли, едва в сантиметре от носа первого в жердь впились

стрела, недвусмысленно намекая, что лучше сидеть дома. Шипя и негодуя, сельчане отступали назад. Вейн, уже успевший вернуть себе так некстати потерянный облик улыбчивого парня, показался из-за дома. В руках староста держал сломанную стрелу, крутя её между пальцами. Он недобро прищурился, глядя куда-то вдаль.

Аделаида неслась вперёд, набрав такую скорость, что затормозить она не смогла бы быстро. А уж когда дорогу кто-то заступил, девушка, ещё не пришедшая в себя, решила не сдаваться без боя. Завизжав для устрашения противника, она зажмурилась и пошла на таран. Но вместо ожидаемого столкновения с противником Аделаиду поймали чьи-то тёплые руки, и уже знакомый голос произнёс:

— Смотрю, тебе очень понравилась деревня?

В первую секунду девушку парализовало страхом, а потом, когда пришло осознание — это не кто-то из деревенских, а всего лишь Эрн, шумный вздох облегчения вырвался из груди, и Аделаида вдруг поняла, что ноги не держат. От падения её удержал всё тот же фейри. Его руки прижали дрожащую девушку к груди.

— Ну всё, всё! Трясёшься, как листик в бурю. Всё уже позади. Слышишь?

Тон Эрна изменился. Пропали ехидные нотки, оставляя только нежность. Ладонь неведомо погладила растрёпанные волосы Аделаиды, что прижималась к нему всем телом.

— Я же говорил: химеры — те ещё звери. Убить бы они тебя не убили, но напугать, заморочить — это они мастера.

Девушка судорожно вдохнула, постепенно успокаиваясь. Эрн усадил её на траву.

— Несколько минут можно отдохнуть. А потом надо уходить. Химеры не рискнут сразу отправляться за нами, но погоня неизбежна. Я надеялся, что ты их не заинтересуешь. Ошибся, увы.

Аделаида же сосредоточилась на своём дыхании. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Простая техника, но ей всегда помогало. В голове и правда прояснилось, страх отступил.

— Знаешь, мне показалось, что этот Вейн... Он будто бы знал что-то про меня. И пытался разузнать больше. А ещё его заинтересовала твоя куртка.

Теперь она могла сосредоточиться на воспоминаниях и принялась анализировать произошедшее.

— Вейн как-то воздействовал на меня. Не понимаю как. Но он хотел, чтобы я рассказала ему что-то.

Эрн протянул руку и, подхватив под локоть, заставил девушку подняться.

— Договоримся по дороге. А пока придётся немного изменить маршрут. Пойдём не по тракту, а напрямую, — кивнул в сторону и шагнул вперёд, поправив колчан со стрелами за плечом. Аделаида послушно семенила рядом, прикусывая нижнюю губу.

— Странное ощущение. В своём мире я уже испытывала похожее.

Обрывки воспоминаний извивались клочьями тумана, ускользая сквозь пальцы. Фейри недовольно шевельнул крыльями.

— Очень сомневаюсь. Граница между нашими мирами давно запечатана. Разве что кто-то из химер с давних пор обосновалась у вас. Можешь рассказать, при каких обстоятельствах у тебя возникли такие ощущения?

Они снова шагали среди холмов, без дороги или тропы, утопая в густой лиловой траве по колено. Аделаида честно напрягла память, но в голове кружились только обрывки мыслей.

— Не могу вспомнить. Там было что-то такое, странное. Шкатулка. Точно! Красивая шкатулка. Фиолетовая, с золотыми узорами. Она меня... укусила. И тени ещё.

Остановившись вдруг, Эрн обернулся. Между его бровями пролегла складка, выдавая тревогу.

— Шкатулка? Очень интересно. — Взгляд фейри сейчас был серьёзен. — Ты можешь её описать подробнее?

Аделаида хмурилась. И вдруг в голове вспышкой-видением возник образ. Чёткий, реальный. Дым от свечей вился над столом, создавая причудливые образы, а свет отражался в золочёных завитках, украшающих шкатулку, стоящую на столе.

— Небольшая, — ладони девушки разошлись в стороны, обозначая размер, — тёмно-фиолетовая, крышка плоская, вся в золотых узорах и завитушках. И замок такой, интересный. Как будто зубы с длинными клыками сомкнулись.

Погружённая в свои воспоминания девушка продолжала двигаться вперёд, не заметив, что Эрн остался стоять на месте. Очнулась она только тогда, когда фейри, догнав, встряхнул за плечи.

— Где ты её видела? Отвечай!

В его глазах словно грозовое небо. Пальцы, впившиеся в её плечи, были не просто сильными — они были стальными, но, будто не хотели причинять боль, а лишь ограничить свободу. Это противоречие — ярость во взгляде и сдержанная сила в прикосновении — пугало больше всего. А потом ярость победила. Воздух вокруг Эрна не просто закрутился — он взвизгнул, закручиваясь вихрем. Аделаида поёжилась, попыталась вырваться, но мужчина держал крепко.

— Дома... — прозвучало жалко и неуверенно, а Эрн снова её встряхнул, как мягкую игрушку.

— Ты лжёшь! Как ты умудрилась её украсть? Кто тебе помогал?

Аделаида снова чувствовала себя как в ловушке. Пальцы Эрна больно впивались в кожу, а вокруг закручивалась невидимая воронка. Ветер, возникший из ниоткуда, подхватывал

волосы, рвал одежду, хватал за руки и за ноги ледяными пальцами. А фейри вдруг убрал одну руку и выхватил кинжал.

— Пусти меня! Пусти!

Голос девушки от испуга перешёл в ультразвук, и вдруг произошло что-то совсем невероятное. Мелькнула зелёная молния, вспышка, в воздухе остро запахло озоном и дождём, и Эрн вдруг отлетел в сторону, словно кто-то невидимый ударил его в грудь огромным молотом. Фейри совершил головокружительный кульбит в воздухе и рухнул на траву, раскинув в стороны руки. Девушка опешила на секунду, но Эрн лежал неподвижно, уткнувшись лицом в землю. Она сделала шаг вперёд, замялась, а потом развернулась и бросилась прочь, ругая себя последними словами. Знала ведь — никому доверять не стоит, но расслабилась, подумала, что Эрн, спасший её уже дважды, не враг. Но его истинное лицо... Ненависть в глазах, эта странная магия, обвинения, слетающие с губ! Лучше выживать самой. Куда ей надо идти, Эрн сказал. Осталась самая малость — добраться до дворца раньше фейри. Придётся постараться, поспрашивать дорогу, если ей попадётся по пути деревня. Солнце палило нещадно, но лёгкий ветерок, гоняющий волны по высокой траве, был как раз кстати. В конце концов, справлялась же она всю жизнь сама, почему бы и сейчас не попробовать?

Эрн пришёл в себя, чувствуя, как пульсируют болью виски. Он морщился, опираясь ладонями о землю и пытаясь приподняться. Все мышцы в теле ныли — реакция на магию Благих. Это волшебство невозможно было спутать ни с каким другим — Благая магия оставляла после себя ломоту во всём теле, запах яблоневого цвета и привкус земляники во рту. Но откуда она взялась? Неужели это происки светлых фейри, и девчонка, к которой его так тянуло, — всего лишь шпионка, пособница Королевы?

— Аделаида! — Эрн позвал спутницу, но в ответ — только тишина, девушка простыл след. — Глупая девчонка!

Фейри ударил кулаком по земле, уже не сдерживая собственное волшебство. Травы в том месте, где рука коснулась её, пожухла, подёргиваясь тонким льдом.

— Аделаида! — его голос разнёсся вокруг, но и тогда девушка не откликнулась. Сбежала? Испугалась или просто устала играть дурочку?

Сев поудобнее, фейри прикрыл глаза. Что же теперь делать? Плюнуть и отправляться в замок Неблагого короля? Или попробовать найти человечку? Всё же он ей обещал помощь.

В ответ на эту мысль внутри вдруг шевельнулась и натянулась та тонкая ниточка магии, что связывала обоих обещанием. Эрн открыл глаза и ухмыльнулся. Вот и ответ. Магия сама приведёт его к Аделаиде, куда бы та ни сбежала. И тогда он больше эту человечку от себя не отпустит, она принадлежит ему целиком. Откуда появилась такая мысль, фейри и сам не знал, но уверенность появилась. Он встал, подобрал отлетевшие в сторону при падении колчан и стрелы и направился вперёд, прислушиваясь к себе.

Аделаида устала и брела вперёд на чистом упрямстве, механически переставляя ноги. Пару раз появлялось желание сесть, но девушка отгоняла эти мысли. Во-первых, она помнила о погоне, во-вторых, Эрн мог уже и очнуться и явно бы пребывал в не самом радужном настроении. Аделаида, правда, сама не понимала, что за сила отбросила его в сторону, но за время

своего пути пришла к выводу, что, скорее всего, химеры наложили на неё какое-то заклятье, чтобы не подпустить никого к своей добыче. Просто они не рассчитывали, что магия сработает так скоро и не на их глазах. Ну и третья, самая важная причина была в том, что девушка хотела как можно скорее оказаться там, где она сможет попросить помощи и вернуться домой — мир волшебных существ на сказку походил примерно как носорог на балерину. И, несмотря на все его красоты и пейзажи, нравился девушке всё меньше. Тяжело вздохнув, Аделаида вдруг обнаружила, что, погрузившись в мысли, остановилась. И снова зашагала вперёд, игнорируя боль в ногах. Подняв голову, она, как и раньше, вглядывалась в горизонт. Моргнула. И, издав вопль восторга, бросилась вперёд. На горизонте появилась тёмная полоска. По мере того как девушка приближалась, становилось понятно: впереди раскинулась деревня. Над крышами невысоких домишек вился прозрачный дымок, слышались голоса, мычали коровы. Аделаида остановилась. А вдруг — это тоже химеры? И теперь её никто не спасёт. В этот самый момент желудок заурчал, заставив девушку прижать ладонь к животу. Есть хотелось невероятно — вчерашние ягоды уже и забылись. Пару раз она встречала невысокие кусты с яркими плодами, но не рискнула есть, мало ли что. Только дважды напилась вдоволь из небольших ручейков да умылась. Теперь же перед Аделаидой стояла дилемма — снять куртку фейри и остаться фактически в нижнем белье или остаться в одежде, но привлечь ненужное внимание. Теперь, когда она убедилась, что деревня есть, то не стала торопиться. Присела на землю, подперев кулаком щеку. Если снимать куртку, то и лапти из травы — тоже. А вдруг потом придётся убежать? Далеко она сможет удрать босиком? В лесу ничего не вышло. Придётся выкручиваться как есть. И, одёрнув куртку пониже, Аделаида направилась к деревне. Её появление произвело неизгладимое впечатление на деревенских. Женщины высыпали на улицу, дети возбуждённо кричали, тыкая пальцем в приближающуюся фигуру девушки. Подошёл, судя по всему, кузнец — здоровенный мужик, заросший по самые брови густой кустистой бородой, в кожаном переднике и засаленной рубашке, небрежно поигрывая гигантским молотом в руке.

— Чьих будешь, девица?

Сочный бас разнёсся над деревней. Аделаида постаралась максимально приветливо улыбнуться.

— Да вот, мимо иду, смотрю — деревня такая, симпатичная. И люди вроде приветливые. Не откажете в приюте усталой путнице?

Судя по лицам, «приветливые» люди не горели желанием пускать неизвестно кого к себе. Но и не гнали пока.

— А как же ты в наших краях очутилась?

Кузнец подошёл ближе, внимательно разглядывая девушку, стоящую перед ним. Аделаида развела руками.

— Да вот, в свите Неблагого фейри была, ездили на охоту. Я в лесу заблудилась, вроде и ушла недалеко, а всё же. А потом меня по голове стукнули, связали и похитили какие-то гоблины. Хотели продать на невольничьем рынке. А я сбежала ночью, даже одежды не смогла достать. Теперь вот иду ко двору Неблагого короля.

Ложь, смешанная с правдой, лилась изо рта легко и непринуждённо. Врать так Аделаида умела с детства. Три факта и пара придумок — и никто никогда не уличит её во лжи.

Кузнец задумчиво почесал в затылке, словно пытаясь решить, верить или нет. Аделаида ему помогла.

— Мне вот хоть куртку удалось сберечь моего покровителя. Видите? — она оттянула полу в сторону, словно в доказательство. И тяжело вздохнула.

— Пустите меня, а? И если можно, хоть глоток воды дайте.

Жалость в кузнеце, который явно имел в деревне вес, пересилила недоверие. Оружия у девки с собой не было, да и на лесную нечисть та не походила.

— Ладно. Заходи. Деньги у тебя есть?

Аделаида, уже сделавшая было шаг, вытаращилась на него с искренним недоумением.

— Какие деньги? У меня и обуви нет, вот, по пути лапти сплела себе. Но если надо, я отработать могу. Бельё там постирать. Или зерно перебрать. Или приготовить что.

Последнее, кажется, решило всё. Крестьяне уверовали, что нечисть не станет наниматься к ним в работники, и расслабились разом. Молот в руке кузнеца совершил оборот и упёрся в землю.

— Ну заходи, бедолага. Гостьей будешь.

На химер деревенские не походили. Хотя Аделаида не могла назвать себя экспертом в этой области. Первых бы она тоже не определила на глаз с одного раза. Да и, если уж быть честной до конца, со второго тоже.

— Ну, хоть гостьей, а не главным блюдом, — пробормотала себе под нос Аделаида, подходя к приоткрытым воротам. Деревенские к этому моменту уже переключались ближе, столпились полукругом.

— Зовут тебя как, красна девица? — Кузнец ухмылялся в бороду. Девица и впрямь была красна — непривычная к яркому солнцу кожа алела, как спелое яблоко на свету. Аделаида вздохнула.

— Дороти.

Всё же, хоть и люди, а больше она глупостей совершать не будет, хотя бы явных.

Кузнец кивнул.

— Хорошо. Я — Гобан. Пойдём, мамка тебя покормит.

Он развернулся и зашагал куда-то между домами. Девушка поплелась следом. Вопреки её опасениям, Гобан и впрямь привёл гостью к опрятному домику, стукнул в дверь кулаком.

— Мама, это я! Я тут девушку привёл...

Дверь почти сразу же распахнулась, едва не влетев в лоб кузнеца, на пороге появилась уютно-кругленькая старушка в переднике и платке. Она всплеснула руками.

— Ой, радость-то какая, сынок! Наконец-то! Невесту привёл! Где же она?

Старушка подслеповато прищурилась, пытаясь увидеть ту красавицу, что пленила сердце сына, но во дворе топталась только какая-то бродяжка.

— Эй! Ты, да, ты! Отойди-ка, не вижу ничего!

Аделаида послушно попятилась, пытаясь сдержать улыбку. Старушка очень напоминала её соседку из детства. Та раз в неделю обязательно пыталась подыскать своему сынуле-оболтусу невесту.

Гобан, опешив, первые несколько минут молчал. А потом пришёл в себя.

— Мама! Какая невеста? Рано мне ещё жениться!

Аделаида поперхнулась смешком, но когда кузнец подозрительно обернулся, девушка с самым невинным видом разглядывала небо.

— Мама! Это — Дороти. Она заблудилась. Накормишь?

Старушка плюнула в сторону.

— Тьфу. Да накормлю, куда ж деваться. Ты только, сынок, честно скажи, это точно не невеста?

— Точно, мама!

Было смешно наблюдать, как здоровенный детина басом успокаивает мать, поглядывая на гостью. Если бы не борода, то Гобан наверняка бы был пунцовым до самых ушей.

— Это Дороти. Она из свиты Неблагого короля!

Кузнец поманил Аделаиду ближе, самовольно интерпретировав слова. Старушка снова всплеснула руками.

— Так вы — феечка, госпожа?

Аделаида замялась. Сказать «да»? А если от неё потребуют чудес в оплату обеда? А если «нет»? Что будет тогда? Девушка вздохнула. Множить ложь не хотелось.

— Нет. Я человек... — она замялась, пытаясь придумать, как могла попасть в свиту, но старушка совершенно неожиданно пришла на помощь:

— Ах, деточка! Знаю я этих фейри? Мы живём далеко от них, но в молодости... Крылатые особенно падки на людей. Правда, ненадолго. Но я знаю, что это такое. Ну что ты так

смотришь? Я в молодости была той ещё красавицей, до знакомства с отцом Гобана. Да не стой на пороге, проходи.

Аделаида едва слышно выдохнула. Удачно получилось. Может быть, провидение, наконец, очнулось и начало помогать? Девушка прошла в дом, следом шагнул и кузнец. А его мать уже ставила тарелку, жестом приглашая Аделаиду к столу.

— У нас всё по-простому. Картошечка своя, молочко вот, холодненькое. Маслице. Ты кушай, деточка, кушай! А потом Гобан залезет на чердак, там мои одёжки девичьи ещё сложены. Берегла для внучек, но уж какое-никакое платьице тебе дам. Негоже молодой девке с голыми ногами ходить. Да и в город тебя не пустят в таком виде.

Аделаида честно старалась не набрасываться на еду, но голод победил. Она проглотила кусок, схватила чашку с молоком, чтобы сделать несколько больших, жадных глотков. Кузнец, сидящий за столом напротив, молча жевал. Аделаида, пользуясь моментом, решила заодно разузнать дорогу.

— А до города далеко? Мне надо как можно скорее попасть ко двору. Боюсь, меня уже потеряли...

Гобан пожал плечами, накладывая себе ещё картошки.

— Ну, как... Надо подумать. Ближайший в дне пути отсюда. Но там тебе будет проще сориентироваться. Хоть это и город светлых, но они всё равно фейри. Помогут уж как-нибудь.

Аделаида кивнула. А кузнец почесал в затылке.

— Правда, день пути — это верхом. А пешком подольше выйдет.

Девушка сникла. И тут же вскинулась.

— Ты же по дороге считаешь? А если напрямик?

Рассказывать, что рисковать и идти по дороге она не стала бы.

Гобан снова почесал в затылке.

— Ну так-то короче будет! Но на дороге легче. Там телеги проезжают, может, кто и подвезёт...

Мать кузнеца шлёпнула сына полотенцем по спине.

— Если ты уже наелся и можешь болтать, лезь лучше на чердак!

Аделаида понимала желание мамы поскорее приодеть гостью — Гобан то и дело косился на голые ноги. Как только он ушёл, старушка под села к столу.

— Деточка, ты если всё же решила сократить путь, иди по тропинке, я покажу, какой. А потом переберёшься через реку, она быстрая, но неглубокая. И дальше по бережку, по бережку.

А как увидишь большой белый камень, так сворачивай к нему. А там до города рукой подать будет. Часа три выиграешь.

Вернулся кузнец.

— Вот. Вы уж сами тут... Меня в кузне работа ждёт.

И ретировался. Старушка принялась разворачивать свёрток из ветхого полотна.

— Ты, деточка, пока умойся вон там.

Аделаида послушно встала. Ледяная вода остудила горящие щёки. Когда она вернулась, хозяйка дома уже выложила на лавку простое льняное платье с вышитыми дубовыми листочками по вороту.

— Вот, примерь. Я в молодости худенькая была. А если где ушить или подобрать, так это я мигом.

Аделаида благодарно прижала руки к груди.

— Вы даже не представляете, как я признательна!

Старушка махнула рукой.

— Это мелочи, деточка! Места у нас тут дикие, опасные! Надо помогать путникам. Добро ведь, оно как? Возвращается всегда!

Аделаида переоделась. Платье оказалось чуть узким в груди и велико в плечах и талии, но старушка дала ей плетёный пояс.

— Ну вот, другое дело. Ты ещё платочек вот, на голову повяжи.

Зеркала в домике не было, но Аделаида не роптала. Сейчас главное — она сыта, отдохнула, оделась, и теперь нужно как можно скорее добраться в земли тёмных. Сомневаться в своих силах? Это был не её метод, Аделаида Галлахер славилась тем, что доводила все дела до конца.

— Спасибо вам! Мне жаль, что я не могу отплатить вам ничем...

Старушка замахала на девушку руками.

— Брось, деточка! От трёх картофелин, стакана молока и старого тряпья мы не пообедем. А может быть, однажды ты снова будешь проезжать мимо нашей деревни и заглянешь в гости. Расскажешь столичные новости и сплетни, вот и расплата будет.

Аделаида порывисто обняла старушку:

— Спасибо вам ещё раз! Вы столько для меня сделали. А сейчас надо идти. Может, успею к ночи добраться до города...

Хозяйка только руками всплеснула.

— Да как же это? Я думала, ты у нас заночуешь, а утром пойдёшь.

Аделаида качнула головой.

— Нет. Что-то мне подсказывает, что надо идти.

И сейчас тоже не лгала — что-то внутри не давало покоя, заставляя прямо сейчас отправиться вперёд. Словно часы отсчитывали минуты, осыпающиеся песком где-то в душе.

Кивнула старушка, принимая это решение.

— Идём тогда, деточка. Выведу тебя на тропинку.

Они вместе вышли из дома, перешли через улицу, обошли несколько домов и оказались у околицы.

— Вот туда пойдёшь. Никуда не сворачивай, пока до реки не доберёшься. А там уже, как я сказала. Удачи тебе, деточка.

Старушка вдруг протянула Аделаиде узелок.

— Вот, на дорожку. Там немного, но перекусить тебе хватит.

Девушка растерялась, не зная, что сказать, но старушка подтолкнула её, всовывая в руки угощение.

— Иди, иди, деточка. Долгие прощания...

«Лишние слёзы», — так говорила и бабушка Гейр, что присматривала за соседской девчонкой-непоседой в детстве. И Аделаида только кивнула, поворачиваясь спиной к женщине. Ну, вперёд! Трусить нельзя. И сомневаться нельзя. Узкая тропинка вилась меж зарослей густого кустарника, усыпанного мелкими белыми цветочками, похожими на крошечные звёздочки. Девушка в какой-то момент обернулась, но деревню уже нельзя было разглядеть, только тёмный дымок, дрожащий над горизонтом. Что ж, так, наверно, даже лучше. Теперь она осталась наедине сама с собой и могла задуматься, пока тропинка сама собой ложилась под ноги.

— Чёрт! — Аделаида резко остановилась, вспомнив, что куртка Эрна осталась в домике кузнеца. И что теперь? Она ведь использовала одежду в качестве аргумента, чтобы убедить всех, что имеет отношение к Неблагим.

— Ладно, выкручусь. Первый раз, что ли? — девушка разговаривала сама с собой, успокаивая, но в голосе всё равно сквозила досада. Аделаида пнула маленький камешек, отбрасывая с дороги, выдохнула и пошла дальше, куда же было деваться?

Казалось, тропинка никогда не закончится, извиваясь, словно нитка из клубка в лапках игривого котёнка. И когда в лицо повеяло освежающим холодком, а между зарослей блеснула на солнце вода, девушка не сразу поверила своим глазам.

— Река? Река, ура!

Выйдя на берег, Аделаида с удовольствием зажмурилась, слушая плеск воды. Речушка и правда оказалась неширокой, но течение было быстрым, унося за поворот опадающие листочки с кустарников и мелкие ветки. Аделаиде пришлось разуться, чтобы перебраться через реку, а подол платья подоткнуть повыше, чтобы не замочить. Всё прошло успешно, заодно и освежилась. На другом берегу девушка даже посидела несколько минут, отдыхая, съела одну из картофелин, что ей дала в дорогу мама деревенского кузнеца, а потом отправилась дальше, мурлыкая под нос песенку. Солнце тем временем медленно, но уверенно сползало по небу куда-то за деревья.

Тем временем в деревне, откуда Аделаида ушла уже пару часов назад, работа медленно заканчивалась. Селяне возвращались кто с пастбища, гоня перед собой небольшое стадо коров, кто из полей, устало вытирая пот со лба. Стихли удары молота в кузнице... И в это самое время на дороге, ведущей мимо деревни дальше, появился человек. Гобан прищурился, приставив ко лбу ладонь, и сплюнул на землю. В солнечных лучах за плечами путника сверкнули крылья.

— Фейри, смотрите! Настоящий!

Гомон нарастал приливной волной. Жители высыпали на улицу, с жадностью вглядываясь в чудо — самого что ни на есть настоящего фейри, который неторопливо шёл в их сторону. Он не спрашивал позволения войти — легко перемахнул через ограду, с кошачьей грацией останавливаясь перед кузнецом. На узком лице блеснули фиолетовые глаза.

— Воды.

Фейри не просил — приказывал по праву сильного. И его слушались. Метнулась в дом молодая девушка, появляясь буквально через несколько минут обратно. На плечах лежал новенький шёлковый платок, коса, торопливо переплетённая на ходу, сверкала тяжёлым золотом. В руках девушка бережно держала тяжёлую глиняную кружку, до самого верха наполненную водой.

— Вот, господин. Чистая, свежая, колодезная!

Селянка с поклоном подала кружку.

— А если желаете молочка, я мигом...

Фейри шевельнул пальцами, заставляя болтушку замолчать и скользнув по ней скучающим взглядом, взял кружку.

— Здесь девушка не проходила? Такая, тёмненькая и самую малость раздетая?

Эрн повернул голову, разглядывая селян. Повисла тишина.

— Так-так, — голос был ледяным. Да и взгляд фейри не оставлял иллюзий насчёт настроения его обладателя, — и почему же мы молчим?

Кузнец, всё это время молчавший, подал голос.

— Так не знаем, что сказать, ваша милость. Была девица, Дороти. Пришла, сказала, что на неё гоблины напали, отняли всё... А она сбежала. И теперь идёт ко двору Неблагого короля, потому что там её ждёт покровитель.

Эрн стиснул зубы так, что они скрипнули. А человечка предприимчивая... и очень талантливая лгунья, судя по всему.

— Что-то не так? Мы зря ей поверили?

Кузнец хмурился, не понимая, как ему реагировать. Фейри повернулся к Гобану и медленно покачал головой, не веря, что собирается сделать.

— Нет. Всё верно. Дороти... потерялась. И я её ищу. Надеюсь, она здесь? Позовите. Я заберу свою... девушку домой.

Секундные паузы прошли мимо ушей деревенских жителей. Гобан смущённо покрутил в руках молот.

— Так нет её. Ушла несколько часов назад. Мамка моя одежду ей дала и на дорогу вывела.

Эрн выдохнул через сжатые зубы. Что же за неуловимая человечка? Он порылся в кармане и вытащил две тяжёленькие, ярко блеснувшие в закатных лучах солнца золотые монеты.

— Возьми. Одна — это благодарность, что помогли моей подопечной.

Гобан подставил ладонь, позволяя золоту упасть в неё.

— А вторая? — кузнец уточнил, заворожённо глядя на монеты. Эрн усмехнулся.

— А на вторую я покупаю у вас лошадь. Любую. Мне нужно как можно скорее попасть в город и найти девушку.

Гобан торопливо закивал, пряча деньги. Да за эту сумму можно пяток лошадей купить. Так что он принял решение — надо быстрее спроводить фейри, пока тот не опомнился.

— Здесь подождите, господин. Отдохните пару минут, я лошадку-то приведу!

Гобан опрометью бросился к своему дому. Пару дней без лошади и протянуть можно. А деньги не лишние.

— Мама, мама! Там фейри пришёл! Настоящий, с крыльями. Дороти ищет! — кузнец, запыхавшись, возник в дверях собственного дома. Старушка-мать, до этого спокойно штопавшая носки у окошка, всплеснула руками.

— Да ты что? Так она же ушла давно...

Гобан вздохнул.

— Я ему лошадь продал! Смотри, вот, золото!

Старушка ахнула, когда сын выложил на стол золотые монеты. Сколько же это денег! Женщина поднялась, откладывая в сторону штопку.

— Сынок, девочка куртку забыла. Ты отдай её господину, нам ведь чужого не надо!

Старушка открыла сундук, доставая вычищенную куртку, оставленную их гостей, и передала сыну. Кузнец забрал свёрток и, кивнув, вышел.

Фейри сидел на перекладине деревенской ограды, жители толпились неподалёку, негромко переговариваясь. Эрн прислушался:

— Повезло кузнецу!

— И не говори! А я ведь девке-то не поверила сначала, думала — сочиняет! А ты гляди...

— И что он в этой селёдке тощей нашёл? Ни кожи, ни рожи! У нас вон девки, куда краше есть! У моей дочурки коса вон в руку толщиной, не то что у этой — мышинный хвост!

Эрн с любопытством покосился на упомянутую дочурку. Коса и правда была впечатляющая. Как и вся она... Двумя руками не обхватить...

В этот же момент послышался топот копыт, и между домов показался кузнец, ведущий в поводу смирную каурюю лошадку, уже осёдланную.

— Вот, ваша милость! Берите!

Фейри соскочил с перекладины, придирчиво осматривая лошадь, которая флегматично жевала удила.

— Подойдёт, — решил Эрн и уже приготовился вскочить в потёртое седло, как его тронул за локоть Гобан.

— Вот, это Дороти забыла у нас, — он протягивал вперёд свёрнутую куртку, — она ваша?

Пальцы Эрна сжались на ткани. Забыла или бросила? Избавилась от напоминания о нём? Нет, он найдёт дурную девчонку и объяснит всё.

Фейри легко вскочил в седло, подхватывая поводья.

— Хорошего вам пути, господин!

Гобан махал вслед лошади, деревенские девки с грустными лицами расходились. И принесла же нелёгкая эту чужачку... Если бы не она, благородный господин точно обратил внимание на кого-то из них, может, и в город бы забрал...

Дорога ложилась под копыта коня, которого Эрн подстёгивал изо всех сил. Возможно, он догонит Аделаиду намного раньше, чем планировал. Она-то пешком идёт.

Рядом шумела речка, а Аделаида уже шагала по берегу несколько часов. Здесь было не так жарко, растущие высокие кустарники создавали лёгкую тень, позволяя передыхать с комфортом. Девушка даже негромко начала мурлыкать под нос песенку, подбадривая себя.

— О! А вот и камешки, кажется...

В густых лиловых сумерках, опускающихся на землю с величественной неотвратимостью, впереди белел приметный крупный валун. Аделаида с сожалением оглянулась на реку, но, как и было велено, свернула к камню. Казалось бы — совсем рядом, однако, когда она добралась до валуна, совсем стемнело.

— Рукой подать? Знать бы ещё, куда тут подавать.

Аделаида покрутила головой, но в темноте сложно было определить с направлением. Девушка вздохнула.

— Я надеюсь, тут не водятся дикие звери... — пробормотала себе под нос, садясь на землю и прислоняясь спиной к нагретому за день камню. Оказалось неожиданно удобно. Валун был покатым, тёплым, над головой в тёмном небе сияли огромные звёзды... Аделаида запрокинула голову, но не смогла найти ни одного знакомого созвездия, зато в воздухе пахло цветами, мёдом, ветер приносил с собой едва заметную прохладу от реки. Без Эрна ей было... грустно. Как ни крути, а привыкла к нему. Язвительный, ироничный, но при этом заботливый. Может, зря она сбежала?

Аделаида помотала головой. Нет. Всё правильно. Оставался ещё вопрос, что же произошло в тот момент. Что за странная... магия?

— Поздравляю, Галлахер. Ты уже одним взглядом парней отбрасываешь. Новый виток в невезении.

Девушка хмыкнула. Так и сходят с ума? Или шизофрения проявляется, когда она сама себе начнёт отвечать и уговаривать, что не всё так плохо? На этой мысли Аделаида уснула.

Проснувшись она от того, что солнечный луч касался закрытых век, щекотал нос, касался губ. Аделаида поморщилась, попыталась отвернуться, но сон уже безвозвратно сбежал. Надо было вставать...

— Солнце, ты вообще в курсе, что ещё совсем рано?

Светило, естественно, не ответило, и девушке пришлось вставать. За ночь тело затекло, земля уже не казалась такой мягкой, да и камень остыл. Пробуждение вышло не таким уж комфортным. Потерев глаза, Аделаида оглянулась туда, откуда пришла. Вернуться к воде и умыться? Или не терять времени? Чем раньше она доберётся до города, тем лучше. Рациональность перевесила. Девушка перевязала заново платок на голове и решительно зашагала вперёд. Неплохо было бы позавтракать, да и пить хотелось, но картошку она съела ещё вчера, а воды набрать было не во что. Но старушка вроде говорила, что до города рукой подать...

Аделаида шагала и шагала вперёд, а потом заморгала. Город появился неожиданно, словно соткавшись из рассветной дымки. Девушка прищурилась, прикрывая глаза ладонью, чтобы солнце не слепило, и ахнула. Казалось, что облака лежат прямо на земле, мешаясь с зелёной травой.

— Судя по всему, мне как раз туда.

Аделаида поправила платок и ускорила шаг. Совсем скоро ей пришлось свернуть на дорогу, которая зазмеилась справа, то расширяясь, то сужаясь. Сзади послышался скрип телеги. Аделаида обернулась. Из-за поворота выехала повозка, которой правил ярко-рыжий пацан, жевавший травинку и лениво подстёгивавший старенькую понурую лошадку. Поскольку повозка двигалась не быстрее шага человека, Аделаида пристроилась рядом, радуясь, что можно хоть кого-то расспросить.

— Это королевский дворец? — она с восхищением разглядывала изящные белоснежные здания, которые становились всё чётче с каждым шагом. Пацан на козлах рассмеялся, косясь на попутчицу с любопытством.

— О чём ты? Просто город. Обычный город.

Обычный? Может быть, для него и обычный, а у Аделаиды всё замирало от восторга при виде стройных башен, подножия которых утопали в пышной зелени, улиц, вымощенных белым мрамором, причудливой формы зданий.

— Очень красивый город! — похвалила она архитектуру, продолжая разглядывать дома, — а как он называется?

В ответ прозвучал набор звуков, который воспроизвести бы не получилось, даже если очень захотеть. Возница глянул на ошеломлённую физиономию девушки и покачал головой.

— Город Белых Лилий, называй так, если не хочешь, чтобы жители разорвали тебя на куски за издевательство над названием.

Прозвучало это так, словно парень не шутил. Хотя... может, и не шутил, кто их знает, этих «добрых фей»?

— Распусти волосы лучше. И сними этот дурацкий платок, — посоветовал пацан и соизволил объяснить, видя недоумение собеседницы:

— Может быть, они сразу не поймут, что ты деревенская. Сильфы довольно мирный народ, но селян недолюбливают. А с распущенными волосами можешь за городскую сойти, там на окраинах живёт много людей. Ты продавать идёшь что-то?

Аделаида спорить не стала, стянула с головы платок и распустила косу. Потом кивнула. Рассказывать каждому встречному о своих проблемах было глупо. Мальчишку ответ вполне устроил. В город, на удивление, они попали легко — распахнутые ворота и никакой стражи.

А за стеной... Так выглядел рай, наверно. Широкие улицы, мощённые белым камнем, разбегались от ворот лунными лучами, постепенно скрываясь между домами. Сами дома каза-

лись выточенными из хрусталя, такими невесомыми и хрупкими выглядели, искрясь на солнце. пышные зелёные насаждения окаймляли дороги, радуя глаз свежестью крон.

Гомон голосов на миг оглушил Аделаиду, заставляя на секунду замереть от удивления. Жители сновали по улицам, разговаривали, смеялись, некоторые обладатели крыльев, похожих на те, что украшали спину Эрна, вспархивали прямо с мостовой, чтобы добраться до балконов домов.

— Эй! — рыжий парень довольно неласково позвал девушку, закрывшую ему дорогу, — решила изобразить статую прямо в воротах?

Аделаида, наконец, пришла в себя и мотнула головой, мол, иду, и двинулась вперёд, стараясь держаться поближе к живой изгороди. На неё жители особенного внимания не обращали, спеша по своим делам.

Девушка растерянно оглядывалась. Она рвалась сюда, а теперь... Что делать? У кого просить помощи? Лица прохожих выражали лишь высокомерие, к ним и просто подходить было боязно, не то что задавать вопросы. В деревне было проще. И Аделаида решилась. Шагнула вперёд, перегораживая дорогу молодой женщине с корзинкой, идущей куда-то с озабоченным выражением лица.

— Простите! Я... мне нужна помощь.

Горожанка смерила девушку взглядом, взгляд скользнул по старенькому платью брезгливо, но всё же кивнула, опуская свою ношу на мостовую.

— Что? Подзаработать хочешь? Так и быть, помоги мне донести покупки до дома, я дам тебе несколько монет.

Хотела Аделаида вовсе не этого, открыла было рот, чтобы отказаться, но внезапно подумала, что деньги, даже небольшие, не помешают. И подхватила корзину, оказавшуюся и правда тяжёлой. Женщина указала направление, и они вместе неторопливо двинулись к дому горожанки. Женщина, лишившись тяжёлой поклажи, подобрела и разговорилась.

— Ты же не из города? Деревенская?

Аделаида поморщилась едва заметно. Совет парнишки не помог, похоже. И настороженно покосилась на свою спутницу.

— Не совсем. Это долгая история... Я отстала от, — девушка запнулась, подбирая слова, — своего господина. А теперь мне нужно добраться до дворца Неблагого короля, и...

Женщина всплеснула руками, перебивая рассказ.

— Так это тебе не к нам надо. Караваны в земли тёмных ходят иногда, но в основном по другим дорогам.

Опешив, Аделаида сбилась с шага, корзина больно ударила по колену, заставив девушку зашипеть от боли. Но это было несравнимо с теми ощущениями, что испытывала девушка в душе. Неужели всё зря? Она никогда не доберётся до дворца и не выберется из этого мира, так

и останется прозябать на задворках владений фейри. Девушку захлестнуло волной тоски по родным холмам Ирландии, по привычным улицам Бостона, но пришлось хорошенько встряхнуть головой — сейчас не место и не время страдать. Пока есть силы — надо шевелиться. Как известно, лягушки, сложившие лапки, тонут в сливках.

— Ты о чём задумалась? — похоже, горожанку больше волновало, что Аделаида стоит на месте, чем её молчание. Но женщина вдруг махнула рукой.

— Постой тут минуту. Мне нужно заглянуть в одну лавку, раз уж оказалась здесь, да и руки свободные. Пара минут, не больше.

Горожанка кивнула Аделаиде на небольшой сквер, где стояли удобные на вид лавки, а в центре бил фонтан, украшенный каменными цветами лилий, из сердцевин которых лились струи воды, спадающие в чашу.

— Да смотри, вздумаешь сбежать с продуктами — мой муж тебя из-под земли достанет, — женщина строго пригрозила, делая шаг к симпатичной жёлтой двери, над которой висела яркая вывеска.

Аделаида кивнула. Бежать с корзиной каких-то овощей и круп? Никакого смысла. Вот если бы там были пирожки или хотя бы хлеб... В ответ на эти мысли желудок девушки громко выразил своё неодобрение, заставив прижать ладонь к животу. Девушка поставила свою поклажу на лавку и незаметно оглядываясь. Пусто? Вроде бы да. Целую минуту она простояла спокойно, но фонтан так и притягивал взгляд, а вода призывно манила прохладой и свежестью, и девушка решила, что полюбоваться, а лучше попить, никто не запрещает. Двинулась вперёд, протянула руку, чтобы коснуться струи, и...

— Эй! — резкий голос привлёк внимание девушки, заставив отдёрнуть пальцы. Аделаида обернулась — прямо за её спиной стоял фейри. Острые уши, золотистые глаза и светлый камзол, украшенный позументом, но не настолько роскошный, чтобы принять незнакомца за принца.

— Что же такая красавица грустит одна?

Тон фейри девушке не понравился: слишком много сладких слов, что никак не вязалось с холодным, оценивающим взглядом, который скользнул по телу, оставив после себя не самые приятные ощущения, словно её раздели глазами, измерили и сочли... пригодной?

Девушка поспешно опустила взгляд, изображая смущение.

— Хозяйку жду. Она на пару минут в лавку отлучилась.

К сожалению, эти слова вызвали вовсе не тот эффект, на который рассчитывала Аделаида. Вместо того чтобы ретироваться, мужчина шагнул ближе.

— Вот и славно. Никто нас не помешает. Бросай свою корзину и пойдём-ка со мной. Таких, как ты, молоденьких деревенских дурочек клиенты как раз любят.

На запястье девушки вдруг сомкнулись холёные пальцы фейри. Аделаида дёрнулась, в панике оглядываясь по сторонам, но улица, как назло, словно вымерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.